

Анна Яковлева

ВЕРШИТЕЛЬ

12+

Анна Яковлева

Вершитель

«Автор»

2019

Яковлева А. Я.

Вершитель / А. Я. Яковлева — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-06825-4

Идея Алексея Дудника. Цель и смысл жизни Вещего Олега – борьба с христианством. Волхв проходит семь ступеней посвящения и становится Вершителем. Он умеет перемещаться в пространстве, владеет искусством перевоплощения, ему открыто будущее. Благодаря магии Вещему Олегу удастся объединить соседние племена, погубить врагов и конкурентов. Но одним Крестным Знаменем патриарх Фотий превращает волхва в посмешище. Победы над Византией, Персией и Хазарией не могут остановить распространение Евангелия. Пророчество о змее и коне сбывается, герой понимает, что проиграл в вечности. На смертном одре Вещий Олег завещает дочери Ольге принять крещение.

ISBN 978-5-532-06825-4

© Яковлева А. Я., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

38

...В те давние времена южное побережье Венедского¹ моря населяли племена славян. Жили среди них и ободриты. Саксы и франки звали это племя ободритами.

Князя ободритов именовались ререговичами, от славянского слова «Ререг», что означало «сокол». Пикирующий сокол олицетворял воинственный дух ререговичей и изображался на гербе Великого князя и его потомков. Столицей ободритов была крепость Велигард.

Основав порт Старигард, ободриты свободно выходили в Венедское море, вели торговлю с Хазарским каганатом, Волжской Булгарией и Аббасидским² халифатом и процветали.

Соседние племена вагров, полабов и варнабов и линонов заключили с ободритами союз. Все они были язычниками.

Земли Союза простирались с востока от подножия Ютландского полуострова до реки Варнов на западе, от Венедского моря на севере и до реки Лабы³ на юге и назывались Нордальбингией.

Вот уже тридцать лет бремя верховного правителя Нордальбингии нес князь Гостомysl. Он занял трон после своего отца Буревоя и был его законным наследником.

Соплеменники и союзники чтили Гостомысла.

Князь был справедливым вождем и смелым воином, и сумел объединить всех восточных славян в единый союз, став настоящей угрозой врагам.

Далеко за пределами Велигарда всем и каждому было известно, что в помощниках у Гостомысла жрецы и колдуны, да и сам он владеет тайными знаниями. Сила и отвага ободритов, удача в торговых делах, богатство, которое стекалось в крепости Велигард и Старигард, были предметом зависти врагов.

Настоящими врагами язычников были Рим и Царьград. Здесь процветали науки, искусства, отсюда распространялась проповедь Евангелия по всей земле...

По благословлению папы Римского саксы и франки упорно стремились овладеть землями ререговичей, при любой возможности переходили реку Лабу, нападали на их города, разрушали языческие святыни и теснили ободритов на восток.

* * *

... В лето 842 года от Рождества Христова на небольшом острове Руян, вокруг которого простиралось Венедское море, происходило важное событие.

В мрачной каменной башне, что возвышалась на западе острова, в зале с очагом, в котором пылали дрова, за тяжелым столом из мореного дуба собрались почтенного вида старцы.

Самым старшим был высокий, худой седобородый старик в белом одеянии, с благородными чертами лица и цепким взглядом светлых глаз – чародей Мике. Мике был не только самым старшим из всех, но и самым сильным колдуном. Магическому искусству Мике обучался с раннего детства, побывал в учениках у греческого, египетского волшебников. Позже Мике стал лучшим учеником великого халдейского⁴ мага и звездочета Судина. Судин передал Мике знания, и в подарок за старания передал древний магический манускрипт – «Седьмую книгу Соломона».

Книга Соломона была признанной вершиной магического искусства, и не было равных тому, кто ею обладал. Для того, чтобы получить доступ к магическим формулам и заклинаниям, изложенным в книге, маг должен был овладеть языком и письменностью халдеев. Мике изучил чужой язык и письменность, научился строить астрологические карты и предсказывать

¹ Древне-славянское название Балтийского моря.

² Персия.

³ Река Эльба.

⁴ Семитское племя, правившее Вавилоном.

будущее не только по звездам. Мике подчинил себе духов Явленного и Отраженного миров, и духи сообщали ему обо всех важных событиях. Мике умел не только сопоставлять события и определять их последствия. Мике был Вершителем Высшей Воли и мог менять ход событий.

По этим причинам маги поручили Мике воспитание преемника.

По правую руку от Мике сидел саксонский маг Варлок.

Варлок был способен вызывать души из царства мертвых. Его слава и могущество слабели с каждым днем, ибо саксы обращались в христианскую веру, и жертвы богам, которым служил Варлок, становились все скуднее.

Слева от Мике расположился датский колдун Вёльв. У Вёльва был дар становиться невидимым.

Напротив Мике место занимал третий волшебник – могучий Радогаст. Радогаст был франком, в его волосах только-только стали появляться белые пряди, но этому волшебнику были послушны духи всех четырех стихий – земли, воды, воздуха и огня. Преследуемый христианами, Радогаст был вынужден покинуть родные места.

Справа от Радогаста расположился легендарный валлиец Мерлин: со спутанной бородой, заспанный и недовольный. Мерлин обладал поистине бесценным даром, унаследованным от матери-колдуньи. Великий валлиец рос в лесу, звери и птицы были его товарищами по играм, и магу не стоило труда перевоплотиться в сову, волка или оленя.

Сложив руки на объемном животе, валлиец время от времени зевал.

Короли и князья то заключали союзы, то предавали друг друга и воевали между собой, магов же объединяла и надежно связывала общая ненависть – к христианам.

Прислуживал магам безбородый юноша, на вид ему было лет семнадцать. Обращали на себя внимание сдержанные манеры молодого человека, его серьезное лицо и одежда – на юноше была такая же, как на Мике, длинная рубашка из грубого, неокрашенного холста, с длинными рукавами. Светлые волосы были перехвачены на лбу кожаным шнуром.

– Прости, что пришлось разбудить тебя, – извинился Мике перед Мерлином, – но медлить больше нельзя.

– Вот-вот, – проворчал Мерлин, – ничего не можете сделать без меня. Только где вы все были, когда колдунья Нимуэ усыпила меня и привалила камнем?

– Каждый получает по заслугам, – буркнул Варлок.

– Варлок! – Глаза Мерлина под нависшими бровями сверкнули. – Пока Великий Мерлин спал, ты проворачивал свои делишки. Признайся хотя бы сейчас, что это была твоя идея!

– Моя!?

– А разве не ты наслал на кельтов морок? Разве не ты сделал мой народ беспомощным перед врагами?

Мерлина мучила совесть: влюбившись на старости лет, он выболтал все секреты озерной нимфе Нимуэ, чем она и воспользовалась. Погрузила дуралея в сон, и он не сумел защитить кельтов от наваждения, которое навел на них Варлок. И саксы обрушились на Британию.

– Друзья мои, не ссорьтесь, – поднял руку Мике.

– Никто и не ссорится, – отмахнулся Мерлин.

Все замолчали.

– Я пригласил вас, друзья, – в полной тишине зазвучал голос Мике, – чтобы напомнить о той великой цели, которая нас объединяла целое столетия. Пробил час. Терпение богов подошло к концу, они требуют решительных действий. Франки и их приспешники саксы должны заплатить за пролитую славянскую и кельтскую кровь. Дело зашло слишком далеко: король саксов Людовик Немецкий пообещал Корвейскому монастырю наши земли, остров, который по праву принадлежит ререговичам – наш священный остров Руян!

– Неслыханная наглость, – закивали седыми головами волшебники и чародеи.

Воодушевленный поддержкой, Мике продолжал:

– Эта земля вскормила наших предков, наших королей и жрецов. Христиане льют нашу кровь, насаждают огнем и мечом своего Единого Бога. Пора положить этому предел. Мы долго думали, долго спорили о том, как это сделать. Пока мы спорили, христиане разоряли наши капища и крушили наши святилища и богов. «Крешен или мертв», – говорят они. Я глубоко убежден, что мы должны... Мы обязаны блюсти чистоту крови княжеских родов. Спасти чистоту крови мы сможем, если будем стоять крепко в своей вере. Эти понятия не делимы. Только так мы сумеем отстоять и земли отцов. Самым чистым и верным родом был и остается род Буревоя и Гостомысла. Пока жив хоть один потомок этого княжеского рода, жива будет вера в наших богов.

Мике на мгновение умолк, усиливая серьезность момента.

– Мы собрались с вами, чтобы исполнить Высшую Волю – назначить Проводника нового поколения, – изрек Мике. – Нам предстоит дать этому Проводнику знания, как соблюсти в чистоте княжеский род, сохранить веру и родовые земли.

Старцы зашевелились, кто-то протяжно вздохнул – все посмотрели на Мерлина – тот пожал плечами.

– Я как все.

– Знакомьтесь, друзья мои, это мой воспитанник Одд Орвар, – с гордостью представил Мике юношу. – Сейчас это уже мужчина, а когда я впервые увидел Одда, это был несмышленный отрок семи лет. Десять лет под моим присмотром Одд Орвар рос, мужал, постигал законы Явленного и Отраженного миров. Набирался знаний, опыта и внутренней силы, чтобы противостоять соблазнам и искушениям мира. Мой юный друг, как и все мы, избрал путь Высших Знаний. Избрал? – Мике взглянул на Орвара.

– Избрал, Светлейший.

Мике мягким движением позволил юноше занять свободное место. Установилась тишина, в которой слышно было, как потрескивают свечи в высоких медных подсвечниках, освещая серебряные бокалы с напитками и блюда с едой. Зажаренный на огне барашек источал восхитительный аромат, но никто не прикоснулся к еде.

– Великий Мерлин! – Голос Мике эхом отозвался в сводах замка. – Ты готов?

Мерлин приосанился.

– Я рад, что все, наконец, закончится. Я передам свои знания и смогу уйти к праотцам, – ворчливым тоном произнес он. – Но должен вас всех предупредить: вы заблуждаетесь. Нельзя победить Единого Бога. Можно только соединить нашу веру с верой христиан.

– Чушь! – взорвался Варлок. – Мерлин совсем лишился ума!

– Не место и не время для споров, Варлок, – одернул саксонца Мике. Затем он обратился к юноше:

– Одд, сын Орвара, потомок Скьельдунгов!

Юноша склонил перед старейшими голову.

– Ты получишь частицу власти над Светом и Тьмой и поднимешься на Первую ступень служения Высшей Воли. Ты сможешь проникать в глубину Всего Сущего, и Сущее не будет противиться тебе. Ты не сможешь вызывать в Сущем перемены, потому что любая перемена Сущего должна подчиняться Высшей Воле. Долг Проводника состоит в том, чтобы предугадывать перемены в мире. Если перемены угрожают равновесию сил Явленного и Отраженного миров, Проводник не дает таким переменам развиваться, гасит их. Но за все приходится платить. Проводник Высшей Воли приносит клятву верности Велесу и Перуну, не женится и не имеет детей, и если нарушает клятву, бывает низвергнут со служения и теряет память.

Мике сделал паузу, проверяя, какое впечатление произвели его слова на ученика.

Голова Орвара склонялась все ниже, вся его фигура выражала покорность.

– Это не все, – сообщил Мике. – Свое искусство и знания Проводник употребляет на то, чтобы служить людям, а не на то, чтобы управлять ими.

Одд Орвар понимающе кивнул.

– Ты будешь служить древнему княжескому роду ререговичей, – торжественно произнес Мике. – Боги сказали нам, что род продолжит сын Рюрика, правнук Гостомысла. Ты станешь глазами и ушами князя, а потом и его сына. Ты будешь верным псом Рюрику. Его тенью и правой рукой. Будешь ему отцом, братом и наставником. Вороном и соколом, волком и лисицей. Станешь беречь князя, как зеницу ока своего. Боги откроют тебе, как это сделать. Запомни: ты будешь Проводником не ради Рюрика и его потомков, а ради Высшей Воли. Боги и духи будут сопутствовать тебе и помогать при одном условии: если ты не станешь использовать их силу ради собственной выгоды. Важно, чтобы ты это понимал.

– Я понимаю, – заверил высокое собрание Одд.

– Да хранят тебя боги. – Мике сцепил в замок ладони. – Все знают, что нужно делать?

Старцы молчаливыми кивками подтвердили: знаем.

– Значит, – заключил Мике, – воля богов будет исполнена. Обряд мы совершим через три дня в Велесову ночь при полной луне. Теперь Орвар покинет нас. Ему нужно готовиться.

Будущий Проводник Высшей Воли поклонился присутствующим и в молчании покинул зал. Ему предстояло бдение и трехдневное голодание по всем языческим правилам.

– Друзья мои, угощайтесь, – пригласил Мике.

Приняв приглашение, пятеро старцев приступили к трапезе.

* * *

...Лучи заходящего солнца осветили розовым светом мыс Аркон, зубцы и шпили замка и отразились в морских волнах.

Место это всегда было сокрыто от людских взоров туманом и сумерками. Сюда не ступала нога простого смертного: святилище охраняли триста воинов. Только посвященный мог проникнуть в эту часть острова. Здесь волхвы и жрецы возносили молитвы богам, проводили тайные обряды и посвящения, общались с духами и приносили жертвы. Здесь размещался сакральный могильник конских черепов.

На закате этого дня, прозванного среди язычников Перуновым, двенадцать волшебников и магов в плащах, скрывающих фигуры, вышли из замка. Каждый нес один из предметов магического искусства. Первый маг держал перо и бумагу. Второй нес книгу и кусок чистой белой ткани. Третий – кадило и благовония. Четвертый – чернила. В руке у пятого был кинжал. Шестой держал фонарь. Седьмой нес четыре свечи. Восьмой – жаровню, девятый – древесный уголь. Опираясь на посох, с жезлом в руке Верховный Вершитель возглавлял шествие. За ним шел Одд Орвар. Ведя под уздцы белого коня, двое волшебников замыкали шествие. Все маги называли себя Светлыми Вершителями и составляли Совет Двенадцати Вершителей Высшей Воли.

За поясами магов Одд Орвар разглядел мечи.

Уловив чужое присутствие, в лошадиных черехах подняли головы и зашипели змеи.

Процессия остановилась на краю могильника, коня подвели к жертвеннику – большому серому, плоскому камню у подножия каменного истукана.

Пока маги готовились к обряду, один из волхвов с чашей в руке обошел змеиные гнезда, собирал яд.

Незаметно стемнело.

Блеснула сталь, в ночи раздался короткий конский храп, из раны в чашу хлынула жертвенная кровь.

Произнеся магическое заклинание, неспешно и с полным знанием дела волшебники принялись священнодействовать. Один положил благовония в кадильницу, другой развел огонь под жаровней, третий держал зажженный фонарь, четвертый протянул Мике нож.

Мике принял у мага нож и прочертил его острием вокруг себя линию в форме круга. Тот, у кого была книга, раскрыл ее перед Мике, и Верховный Вершитель произнес заклинание:

– Входя в этот круг, созданный моею рукою, заклинаю тебя, о Земля, и тебя, Солнце, тебя, Луна, и тебя, Ветер, именем сильнейшего и светлейшего Свентовита. Дайте мне ум и волю исполнить желаемое, и уберегите от враждебных духов.

Маг, у кого было кадило, положил в него уголь и стал окуривать границу круга. Затем Мике прочертил ножом еще один круг, внешний. И снова произнес заклинание.

Закончив, Мике принял чашу с жертвенной кровью. Каждение повторилось.

Двое магов зажгли свечи и поставили их по четырем сторонам света за линией внешнего круга: на севере, на юге, на западе и востоке.

Мике обагрил землю кровью, рисуя новый знак. Это была магическая пятиконечная звезда – пентакль. Ведомый Мике, Одд Орвар перешел границы магических знаков и встал в центре. Снова прозвучало заклинание.

После этого Мике, а с ним вместе одиннадцать других магов встали на колени: Мике в вершине пентакля, маги – по внешней линии, все – лицом к востоку.

Следующее заклинание произнесли трижды хором, вполголоса:

– О светлейший Свентовит! Поддай просимое, сделай духов Яви и Нави послушными Одду Орвару, отныне нарекаемому Олегом. Открой Олегу суть Явного мира и тайну Отраженного. Надели его сокровенными знаниями о природе всего сущего.

Мике подал Орвару чашу с жертвенной кровью.

Поднявшись с колен, маги взяли за руки. Одд Орвар пригубил чашу, омыл руки и лицо содержимым. В небе над святилищем полыхнула молния, на мгновение стало светло, как днем. Черепа, плащи Вершителей, змеиные головы, чаша с жертвенной кровью поплыли перед глазами Одда Орвара и он потерял сознание.

Ночь поглотила Орвара, его место занял Олег. Вышний Перунов день погас, наступила Белая Велесова ночь.

...Ни Вышний Перунов день, ни Белая Велесова ночь не смогли сохранить всех секретов и тайн.

В то самое время, как Орвар был наречен Олегом и посвящен в Проводники Высшей Воли, на другой оконечности острова Руян состоялось еще одно примечательное событие.

Подданный датского короля Рагнара, ярл Хакон, известный морской разбойник, направлялся в столицу данов Хедебю, но возле острова ярл Хакон попал в жестокий шторм и потерпел крушение.

Выбравшись на берег, Хакон упал на сухой песок между камнями и заснул. Он проспал несколько часов и спал бы и дальше, если б его не разбудили голоса.

– ...Король Людовик снова собирает войско. Готовится напасть на земли ререговичей. Аскольд, Союзу не устоять против франков, – говорил мужской голос. – Старый Гостомысл, его сыновья и внуки своим упорством обрекают себя и всех нас на верную смерть. Я не собираюсь воевать против христиан, я собираюсь заключить с Людовиком союз. Конечно, Гостомысл призовет на войну всех союзников, я его брат и отказаться не смогу. Но ты... Если ты не хочешь разделить участь изгоя, то оставайся в Киеве и заводи дружбу с Византией.

Хакон весь обратился в слух: кажется, он стал свидетелем тайного сговора!

У Гостомысла был только один брат – Табомысл.

Сын полоцкого князя Аскольд вместе с братом Диром были киевскими каганатами, наместниками Хазарского каганата. Полоцк терпел бесконечные набеги викингов. Удерживать город становилось все труднее. В один из набегов Полоцк захватил датский конунг Хвистерк, в войске которого служил Хакон. Хвистер казнил полоцкого князя, вот почему Дир с братом Аскольдом были кровными врагами короля данов Рагнара Лодброка. И Хакона.

Хакон незаметно выглянул из своего убежища.

Между тем Аскольда с Табомыслем связывали не столько племенные отношения, сколько жгучее желание стать полноправными правителями: Табомысл мечтал получить владения ререговичей и занять место Гостомысла в Совете племен, а Аскольд спал и видел, как избавляется от власти Хазарского каганата. Нужно только отбить Полоцк у данов.

Табомысл давно понял, что они с Аскольдом могут друг другу помочь. Приготовления саксов к войне с ререговичами были весьма кстати. Сейчас решалось будущее племен. Сейчас и здесь!

Табомысл так и сказал Аскольду:

– Ты можешь не отозваться на зов старика о помощи. Гонец может не застать тебя. Путь неблизкий, с ним всякое может случиться. Он может натолкнуться на пиратов или кочевников...

Аскольд не перебивал, кивал, выражая согласие. В голове у него роились мысли, выстраивались планы.

Аскольд хорошо разбирался в праве наследования: крепость Велигард и окрестные земли, а с ними и княжеская власть переходили к старшему мужчине в роду. После гибели Гостомысла старшим в роду ререговичей становился Табомысл. Если Табомысл займет место Гостомысла и заключит союз с королем Людовиком, а Хазарский каганат помирится с Византией... Тогда викингам не на кого будет опереться, на севере и на юге у них не окажется союзников. У Аскольда захватило дух...

Киев, наконец, оценит его усилия.

Киев, как огромный молох, требовал дани. От размера дани зависело расположение Хазарского каганата. И Аскольд был полон решимости это расположение получить. Он потратил десятилетия, добываясь своего нынешнего положения кагана. Женился на знатной хазарке, пресмыкался перед ханами и беком, заискивал, соглашался на грабительские условия...

– Сделай, как я говорю, и у тебя появится надежный тыл не только на юге, но и на севере. Король Рагнар остережется воевать с тобой за Полоцк, если ты вступишь в новый союз – христианский, – наставлял Аскольда сородич.

– А как же Рюрик и его братья? – высказал Аскольд последнее сомнение.

– Ты прав, – сделав над собой усилие, согласился Табомысл. – Да, сам по себе Полоцк без Ладоги – как левая рука без правой. С севера и с юга в Ладогу идут товары. Впрочем, арабские серебряные копи оскудевают... Рюрику придется прокладывать новый торговый путь – через Киев в Царьград. «Из варяг в греки», – как называли в древности Византию. У Византии есть все: и серебро, и китайские шелка, и восточные пряности. Вот где настоящее богатство и процветание! Пришло время перемен. Заключи с Рюриком союз. Родственный. Жени Дира на их двоюродной сестре Ружнене.

– Это не спасет меня от их мести.

– Может и не спасет. Но пока ререговичи разберутся, кто враг, а кто друг, пройдет немало времени. А когда разберутся, будет поздно. У Киева будет крепкий союз с Царьградом. Каким бы ни был Рюрик безумцем, он не отважится пойти на Царьград.

От неудобного положения спина Хакона затекла нога онемели. Он переменял положение, ветка под ногой хрустнула...

Хакон замер, как ящерка, и, кажется, перестал дышать.

Остров Руян затаился.

Табомысл и Аскольд тоже замерли, вслушиваясь в тишину.

– Здесь кто-то есть, – шепнул Аскольд Табомыслу. Оба медленно, останавливаясь и прислушиваясь, направились в сторону, откуда донесся сухой треск.

Хакон не стал дожидаться, пока его обнаружат враги. Вскочив, разбойник во весь дух понесся к морю. Между валунов замелькала лохматая голова.

– Викинг! – закричал Аскольд, срываясь с места. Следом за ним Табомысл бросился в погоню. Оружие, которое имели при себе два этих мужа, – кинжалы и ножи – им не пригодились. Викинг бежал быстро и ловко маневрировал между валунами. Настичь его могла только стрела Перуна.

Добежав до воды, Хакон нырнул и исчез в морской толще. Аскольд прыгнул в воду и поплыл, ожидая, когда Хакон вынырнет.

Наконец, голова пирата показалась над водой, и Аскольд устремился к нему, но Хакон снова нырнул.

Аскольд нырнул следом, но никого под водой не увидел, кроме камней и пугливых рыбешек среди водорослей.

Вынырнув на поверхность, несколько минут Аскольд ждал, пока голова беглеца снова появится над водой, но викинг словно утонул. Неожиданно Аскольд почувствовал, что противник утягивает его на дно. Аскольд набрал в легкие воздух. Два тела сплелись под водой, схватка была не на жизнь, а на смерть. Хакон поднял со дна камень. Удар пришелся точно по темени, и киевский наместник разжал руки. Хакон увидел на шее Аскольда наместника знакомую вещь – амулет Хвистерка. Оборвав шнурок, Хакон вынырнул на поверхность, хватая воздух ртом и отплевываясь, поплыл на другую сторону мыса и скоро исчез из вида.

Табомысл вовремя нашел Аскольда, вытянул неподвижное тело на берег. Перекинув через колено соплеменника, Табомысл помог легким освободиться от воды. Аскольд закашлялся и открыл глаза.

– Как ты?

Аскольд отдышался:

– Жив, кажется.

– А где пират?

– Пират мертв.

– Это был разведчик? – спросил Табомысл.

– Даже если так, теперь это не имеет значения. Наша тайна покоится на дне моря, – заверил союзника Аскольд.

* * *

... Оттепель заставила саксов отказаться от мысли перейти реку по льду. Пришлось водить переправу.

К князю Гостомыслу прискакал гонец от знатного ободрита воеводы Яныка и сказал, что за рекой началось движение противника.

Старый Гостомысл вскочил на коня и отправился вместе с гонцом к Лабе чтобы собственными глазами увидеть неприятеля и оценить опасность.

Мрачная картина предстала перед Гостомыслом.

Весь левый берег Лабы в местечке Люне, как раз напротив поместья графа Яныка был заполонен франками. Они все прибывали и прибывали, копошились, как муравьи, казалось, им нет конца. Валили лес, подвозили снаряды для дальнего боя, запасали камни, сколачивали плоты и наводили мосты.

Гостомысл невольно оглянулся на крепость за спиной.

Небо над Велигардом еще было мирным. Смеялись женщины и дети, вставало солнце, дул ветер с моря, в воздухе витали запахи воды и надежда на счастье, но это уже были предвестники войны.

Глядя на уходящие мирные приметы, старый Гостомысл отправил гонца за подмогой в Киев, к своим единоплеменникам, ободритам с острова Руян – князю Аскольду и его брату Диру.

Столица ререговичей – крепость Велигард – стала готовиться к осаде.

В город стекались повозки с продовольствием, камнями, песком и лесом. В надежде укрыться от неприятеля, вагры, полабы и варны везли в Велигард свои семьи, имущество и скот.

Жители обновляли оборонительные укрепления, закладывали щели в городской стене, углубляли крепостной ров.

Гостомысл с зятьями, сыновьями и внуками обходил укрепления, делал замечания и отдавал распоряжения.

Зима была теплой, шел мелкий дождь, однако казалось, над крепостью Велигард нависли не тучи, а мрачная тень беды.

* * *

... Как и полагал Табомысл, брат его, Великий Гостомысл попросил о помощи.

Перед гонцом Аскольд ничем не выдал своих планов.

Гонцу оказали честь, усадили за стол, потчевали, как дорогого гостя. Сытый и пьяный, гонец заснул на своем ложе, чтобы не проснуться никогда. Только Аскольд и хазарская колдунья Вельдрада знали о зелье, которое подмешали в питье гонцу.

Ранним утром тело убитого было сброшено в яму и присыпано землей, и вороны слетелись на добычу.

Аскольд же преисполнился уверенности, что вместе с гонцом они скрыли следы своего предательства. Со спокойной душой киевские наместники принесли жертвы богам, собрали дружину и выдвинулись в Полоцк.

Полоцк был исконной землей их отца, Дира Старшего. Город стоял на реке Двине, на торговом пути между Хазарским⁵ и Венедским морями. Сюда стекались торговые караваны с юга и севера, востока и запада. Хазары, евреи, арабы, персы, византийцы, славяне и викинги по воде и волоком везли сюда изделия мастеров: стекло, янтарь, серебро, посуду, оружие, инструменты. Постепенно Полоцк превратился в торговый и ремесленный центр и стал лакомым куском для пиратов всех мастей. Дир Старший погиб, защищая Полоцк, и датский конунг Рагнар Лодброк занял город, обложил данью и поставил на княжение своего сына Хвистерка.

Потеря Полоцка ставила Аскольда и Дира в униженное положение в Хазарском каганате. Несколько лет братья мечтали отомстить за смерть отца и вернуть наследный престол.

И вот, наконец, удача улыбнулась им: Хвистерк отправил часть войска из Полоцка за добычей на соседние земли.

– Что мы скажем Великому князю, когда он спросит, почему мы не прибыли в Велигард? – задал Дир Младший вопрос брату Аскольду.

– Не думаю, что он уцелеет в битве с Людовиком. – Циничный ответ старшего брата не понравился Диру, но он смолчал.

* * *

... Старому Гостомыслу ничего не оставалось, как положиться на богов, собственный военный опыт, а также силу и мужество верной дружины. Боги всегда были на стороне князя, чутье Гостомысла никогда не подводило. Войско его было немногочисленным, но хорошо обученным и испытанным в боях. Нужно было только выбрать верную тактику боя. Медлить было

⁵ Каспийское море.

нельзя, но и поспешное решение могло погубить королевство. День сменял ночь, Гостомysl ждал знака, но боги медлили с ответом.

Собрав военный совет, Гостомysl не стал ничего утаивать.

– Друзья мои, враг силен и опасен, – сказал Великий князь ободритов, – он ненавидит нас так же, как мы его. Вы сами видели, король Людовик со своим братом Лотарем строят мосты для переправы через Лабу. Он давно желает получить наши земли, каждый год пробует свои силы и проверяет наши.

Гостомysl обвел взглядом родные лица. Сыновья Святогор и Ингор, зять Ингвар, брат Табомysl и племянник Святозар, внуки Синеус, Трувор и Рюрик... Их товарищи по оружию Карл, Фарлаф, Вермуд, близнецы Рулав и Стемид – все понимали, какая угроза висит над Велигардом и разделяли заботу Гостомysла.

Святогор и Ингор с хмурыми лицами сдержанно внимали отцу и вождю, тогда как молодежь проявляла нетерпение.

Старшему из внуков Гостомysла, Рюрику, исполнилось двадцать два года. Это был красивый мужчина, сильный, отчаянно смелый и опытный воин. Викинги произносили с гордостью его имя. За плечами Рюрика было множество стычек с врагами на море и на суше, из которых не всегда он с братьями Синеусом и Трувором выходил победителем, но всегда оставался невредимым.

Все присутствующие были отлично осведомлены, что гарнизоны короля Людовика заняли позицию на левом берегу Лабы, в том месте, где на реку наступали дюны.

– Тридцать лет на мне лежит бремя правления Нордальбингией. За тридцать лет я впервые не знаю, как поступить, – признался князь Гостомysl, – покинуть крепость Велигард, напасть на саксов и остановить наступление войск Людовика, или дожидаться врага в крепости. Мы можем выйти навстречу саксам и навязать им бой, но войско короля многочисленно и превосходит наше в несколько раз. Конечно, у нас есть друзья и союзники, но король Рагнар с сыновьями сейчас в походе. Поэтому я отправил гонца за помощью в Киев. На остальных полагаться не стоит – они ослабели духом. Нам остается только молиться и надеяться. Молиться, чтобы Аскольд с братом пришли к нам на помощь. И надеяться на свои силы, на верность, мужество и опыт наших воинов.

Гостомysl прервал речь и задумался на несколько мгновений.

– Надо встретить войско Людовика у Лабы. Нельзя допустить, чтобы он осадил Велигард, – словно стряхнув с себя мрачные мысли, произнес Гостомysl.

– Но мы не выстоим против Людовика, – возразил Табомysl. – Это самоубийство – выйти и принять бой с такими силами. Нужно здесь, в крепости ждать помощи. Когда Аскольд подойдет, он атакует Людовика с тыла.

– А если Аскольд не придет?

– Придет.

– Мы не можем рассчитывать на это, – вмешался в спор сын Гостомysла Ингор. – Гонец не вернулся. Поэтому предлагаю атаковать войско Людовика. Это можно сделать, только выйдя из крепости.

– В случае осады нам грозит не смерть – это было бы лучшей наградой для воина. Нам грозит плен, – поддержал брата Святогор. – Плен – это позор и бесчестье для любого ререговича. Если франки захватят город, они поступят с нашими женщинами, как обычно поступают с рабынями. Это враги, которые пришли на наши земли ради собственной гордыни и честолюбия. Они не пощадят никого.

– Атаковать! – обрадовались внуки Гостомysла и их боевые друзья.

Гостомysl снова впал в задумчивость. В этот раз никто не посмел нарушить молчание Великого князя.

– Мы нападём первыми. Я готов объявить свое решение народу и войску, – сообщил Гостомысл.

В сосредоточенном молчании ререговичи шли по коридорам крепости.

– Други мои! Боги сказали, что мы остались один на один с врагами. Нам не привыкать к битвам! – выйдя к воинам, объявил Гостомысл. – Псы Людовика и его брата Лотаря разоряют наши святилища, на их месте строят свои, продают наших женщин и детей в рабство, а мужчин истребляют. Мы выросли и возмужали в битвах! И мы примем бой!

Речь верховного вождя зажгла в сердцах ободритов ненависть к врагу и воинственный дух.

– Верно! – потрясая оружием, вскричали воины. – Слава Гостомыслу!

Народ верил в своего вождя, и Гостомысл отбросил сомнения.

Ререговичи отправились в святилище и принесли богам богатые жертвы.

* * *

...Ненависть переполняла Аскольда, и объектом этой ненависти был сын короля данов Рагнара Лодброка – конунг Хвистерк.

Конунг был отличным воином, бесстрашным, хитрым и проницательным. У Хвистерка была многочисленная и хорошо обученная дружина, что делало Полоцк неприступным. Тягаться с конунгом Хвистерком военной силой Аскольд даже не помышлял. Осаждать город было делом долгим и хлопотным, требующим упорства и времени. Времени у Аскольда тоже не было: Табомысл и хазарский каганат не станут ждать, найдут другого союзника.

Ничего не придумав, Аскольд отправился в шатер своего друга и советника – хазарского хана Ратмира.

Аскольд мечтал убедить Ратмира идти на Полоцк вместе с ним.

По своей излюбленной привычке хан Ратмир возлежал на коврах и наслаждался танцами наложниц. Рядом на возвышении стояли вина в серебряных сосудах и вазы с рахат-лукумом, фруктами и орехами.

Ни лестью, ни посулами Аскольд ничего не добился.

– Глупо лезть на рожон. Силой Хвистерка тебе не одолеть, – бросая в рот орешки, отвечал Ратмир.

– А что мне делать?! – рассердился Аскольд. – Ждать, когда он сам уйдет?

– Думай! Войди в город незаметно, – посмеиваясь, посоветовал Ратмир. – Дождись ночи и перережь этих свиней.

– Незаметно – это как?!

– Придумай что-нибудь. – И Ратмир хлопнул в ладоши, разгоняя наложниц. Музыка смолкла, танцовщицы исчезли, шурша шелками.

Разочарованный Аскольд ушел думать.

Через несколько дней Аскольд придумал и пришел с планом к Ратмиру. Ратмир одобрил выдумку, и Аскольд собрался в поход.

Не доходя до Полоцка, Аскольд спрятал дружину в лесу. Десять самых верных, самых отчаянных воинов вошли в город под видом купцов. Стража пропустила обозы, полные товаров. Здесь были невиданной красоты ткани, серебряные украшения, медная посуда...

Не заметила стража кольчуги, кинжалы и клинки под плащами и накидками у торговцев.

Весь день зазывала привлекал народ, переодетые воины продавали товары на рыночной площади, а дождавшись ночи, перерезали стражу и открыли ворота. Воины Аскольда действовали быстро и бесшумно. Прокрались в дом конунга, закололи сонных воинов и взяли в плен Хвистерка.

Когда Хвистерка привели в шатер Аскольда, конунг выхватил из одежды нож и бросился на киевского наместника, но его сбили с ног и связали.

Ступая по шелковому персидскому ковру кожаными расшитыми сапогами, Аскольд предложил пленнику свободу:

– Я могу отпустить тебя. Ты поедешь назад к своему отцу королю Рагнару и передашь, чтобы он никогда больше не ходил на Полоцк. Это мой город. Так было и так будет.

Конунг Хвистерк не принял предложения врага:

– Тебе придется самому передать свои слова королю Рагнару. Я предпочитаю погибнуть как воин, вместе с моими людьми, – отвечал он.

А на следующий день на главной площади Полоцка из голов викингов выложили курган, обложили его хворостом и приготовили погребальный костер. В этом костре сын датского короля конунг Хвистерк и нашел свою смерть.

Верный слуга Хвистерка ярл Хакон не успел предупредить конунга об опасности. В пути его задержал шторм, и ярл прибыл в Полоцк слишком поздно...

Но вернемся в Велигард.

* * *

...Велигард готовился к войне.

Все мужчины, от мала до велика приняли участие в работах по укреплению города. Так же, от мала до велика, ободриты вооружались. Все, что могло нанести увечье врагу, становилось оружием: ножи, вилы, камни и обычные дубинки.

В кузницах не прекращалась работа, жрецы наблюдали за ковкой, отгоняли злых духов. Ковались и перековывались мечи, копья, дротики, секиры, изготавливали «чесноки» – шипы для лошадей и людей. «Чесноки» обмазывались конским навозом и забрасывались во вражеский стан. Лошадь ли, человек ли, наступив на шип, получали рану и заражение крови.

Когда оборонительные укрепления были готовы, великий князь с главным жрецом принесли в жертву богу Перуну быка. После жертвоприношения Гостомysl вывел войско из крепости и отдал приказ строить частокол – препятствие для вражеской конницы.

Наступил решающий день. Ранним утром, еще до восхода солнца франки стали переправляться через реку.

Сыновья, зятья, внуки Гостомысла, его брат Табомysl с сыном заняли позиции.

По всем правилам военного искусства Гостомysl выставил впереди пехоту, спрятал в лесу конницу Табомысла и устроил засаду слева и справа от основных сил. Левым флангом командовал зять Гостомысла Ингвар, в дружине которого были его сыновья.

Правым флангом командовал сын Ингер. Другой сын Гостомысла – Святогор – выставил свою дружину в центре.

Однако уже в начале боя стало ясно, что боги не приняли жертвы ободритов.

Первые отряды саксов наталкивались на частокол, встречали яростное сопротивление ободритов и не могли высадиться на правый берег. Над полем брани поднимались рычание и вой, лязг оружия и ржание лошадей. В пылу сражения ободриты закидывали щиты за спину, срывали с себя одежду и с волчьим воем устремлялись на врага.

В первой же атаке верховный вождь ободритов потерял зятя и сына: выйдя из леса, дружина Ингвара попала в окружение. Увидев, что Ингвар попал в кольцо саксов, Святогор поспешил ему на выручку и был убит стрелой вражеского лучника. Сраженный мечом, Ингвар пал следом.

Все смешалось, частокол уже не мог сдерживать саксов. Они прибывали и прибывали, под их натиском ободриты стали отступать.

Рюрик вместе с братьями Трувором и Синеусом отбивали третью атаку саксов, когда Рюрик получил ранение в правое плечо. Князь перебросил меч в левую руку и продолжал сражаться.

Гостомысл с дружиной занял возвышенность между Лабой и Дельбендским лесом и ясно видел, что саксам удалось обойти войско ободритов с севера и юга, кольцо их стягивалось.

– Скачи к Табомыслу, – крикнул князь воеводе Яныку, – пусть выводит конницу!

Отправив Яныка с поручением, Гостомысл повел дружину в самую гущу сражения. Не уступая молодым, рубился князь с саксами.

Армия Людовика теснила ободритов к северу. Ободриты отбивали атаку за атакой, но ряды их таяли. Воеводам Фарлафу, Вермуду, братьям-близнецам Рулаву и Стемиду с большими потерями удалось вырваться из кольца.

В последующих стычках с врагами погиб сын Гостомысла Ингор. Трувор закрыл собой Гостомысла, и лошадь под ним была убита. Карл поймал коня Ингвара и подал вожжи Трувору. В следующий миг Карл сам потерял коня. Обороняясь, Карл оступился и был ранен в грудь.

Синеус с дружиной прикрывал отступление брата Трувора и раненого Карла.

Воевода Янык пробился к Табомыслу, но отрезанный франками от основных сил, Табомысл слишком поздно вывел конницу из леса...

Все ждали помощи, как чуда, но чуда не произошло – Аскольд с Диром так и не пришли.

Силы ререговичей истошились. Все было напрасно, и Гостомысл отдал приказ отступить. В эту самую минуту вражеская стрела пронзила королю ободритов грудь, он зашатался, подоспевшие Трувор и Синеус сняли деда с коня.

Табомысл принял командование. Собрав поредевшие дружины, он велел отступить к дому воеводы Яныка.

Бесчувственного Гостомысла перевезли в повозке и внесли в дом воеводы.

Рана оказалась смертельной, но несколько суток Гостомысл еще боролся со смертью. И привиделся ему сон: из чрева дочери Умилы произросло огромное дерево с множеством дивных плодов. И множество людей ели эти плоды и насытились.

Открыв глаза, Гостомысл призвал служителей бога Перуна, коих было превеликое множество в Велигарде, и спросил, что означает его сон. Жрецы погрузились в размышления и думали несколько часов. Наконец, старший из жрецов истолковал сон так:

– Великий князь, один из сыновей твоей дочери Умилы продолжит твой княжеский род, и княжение его украсит землю, и земля насытит племя.

– Позовите моих внуков, – слабея, попросил Гостомысл.

На зов явились Рюрик, Синеус, Трувор и их двоюродная сестра Ружнена.

– Дети мои, – обратился к внукам князь. – Аскольд не пришел к нам на помощь. Возможно, он попал в засаду... По воле богов мы потерпели поражение. – Гостомысл увидел пряжку на поясе внука. На пряжке был изображен сокол.

– Этот пояс Ингор надевал перед боем. Значит, тебе удалось отыскать его тело на поле брани?

– Да. Мы нашли дядю Ингора и предали огню его тело. И дядю Святогора и Ингвара тоже. Гостомысл моргнул, прогоняя набежавшую слезу.

– Я был плохим королем и плохим отцом. Не сберег родовые земли и детей своих потерял. Сначала свеи⁶, теперь франки отняли у меня семью, дружину, мой город и мою честь.

– Честь нельзя отнять. Ее можно только отдать добровольно. Ты свою честь сберег, дед. Саксы – наши враги. Были, есть и будут, – твердо сказал Рюрик. – Мы клянемся отомстить за всех ререговичей, дед.

⁶ Шведы.

– Не бойтесь ничего и никого, кроме богов, дети. Храните мир с данами. Мой отец Буревой завещал мне дружить с соседями и покорять море. Море. Не потеряйте море. Если вы потеряете море, вы потеряете все. Где Ружнена? – обеспокоился старый князь.

– Я здесь, – выступила вперед высокая и стройная белокурая девушка.

– Я умираю, дети. Теперь, когда оба моих сына и зять мертвы, мой брат Табомысл станет вождем и возглавит Ободритское княжество. Таков закон. Уходите на восток, в Ладогу, к матери. Нельзя допустить братоубийственной войны! Моя дочь Умила потеряла мужа. Она не должна потерять сыновей. Станьте ей опорой и утешением. И берегите сестру Ружнену – от нее пойдет сильное потомство.

Гостомысл закрыл глаза и вздохнул так тихо, что никто не услышал. Только видно было, как каменеют и заостряются черты лица, как разглаживаются морщины.

Рюрику было только двадцать два года, несколько смертей подряд – дядьев и деда – наполнили его сердце печалью, ему потребовалось собрать всю волю, чтобы никто не увидел его горя.

Сдерживая слезы, Синеус, Трувор и Рюрик вышли из дома, но двоюродный брат Святозар с дружиной преградил им путь. Лица сородичей не предвещали ничего хорошего.

– Вам нечего делать в Велигарде, – заявил Святозар.

Ререговичи встали плечом к плечу, ладони легли на рукояти клинков.

– Ты не можешь помешать нам проводить деда в последний путь. – Пальцы Рюрика крепко держали рукоять меча.

Святозар лучезарно улыбнулся, указав на окружающие дюны:

– Вы можете проводить его прямо сейчас.

– Ты говоришь о Великом Князе, о короле ободритов, о нашем деде Гостомысле? – Трувор предостерегающе прищурился.

– По-твоему, король Гостомысл не заслужил, чтобы его провожали все жители Велигарда? – уточнил Синеус.

– Ему уже все равно. Зато ваше присутствие в Велигарде породит непонимание и внесет смуту. В городе и так неспокойно.

– Разве союзу племен не нужны воины? Думаешь, мы можем покинуть свой народ в минуту опасности? – удивился Трувор.

– Опасность? Опасность – это вы. Чем скорее вы покинете эти земли, тем лучше будет для всех.

После этих слов Святозара схватки было не избежать.

Трувор первым набросился на двоюродного брата, Рюрику и Синеусу пришлось отбиться от зятьев Табомысла.

На шум прискакала княжеская стража. Спешившись, воины растащили дерущихся и доставили в княжеский шатер.

Лица соперников были испачканы грязью и искажены ненавистью, одежда изорвана. Ко всему у Рюрика открылась рана, причиняя ему мучительную боль.

– Дядя, – задыхаясь от ненависти, спросил Трувор, – ты тоже предлагаешь устроить тайные похороны Гостомыслу?

– Зачем же тайные? Просто в походных условиях. Войско Гостомысла здесь, чего еще желать? На миру и смерть красна. Я бы мечтал, чтобы меня так похоронили.

Слова застряли у Рюрика в горле. Не было никакого смысла протестовать. За них все решили.

К вечеру все было готово: князя Гостомысла омыли, обрядили в лучшие одежды и доспехи, приготовили ладью, положили в нее короля ободритов вместе с оружием на пышное ложе из хвороста. Прозвучали прощальные слова, ладью оттолкнули от берега. Ей вдо-

гонку полетели пылающие стрелы. Хворост занялся огнем... Вот языки пламени охватили всю ладью...

Синеус, Трувор, Рюрик и Ружнена еще долго стояли, наблюдая, как пожирает огонь последнее прибежище великого вождя.

Ничего не оставалось братьям, как подчиниться закону.

При свете погребальных костров Рюрик держал совет с братьями, после чего объявил дружине волю умершего Гостомысла:

– Вы сами видели, путь в Велигард нам заказан. Табомысл не потерпит нашего присутствия в крепости. Если мы не подчинимся, нам грозит в лучшем случае обвинение в предательстве и смерть. В худшем – рабство. Выбирать не приходится. Гостомысл завещал, чтобы мы шли на восток, в Ладугу. Так тому и быть. Мы отправимся по суше на север, в Старигард. Там мы погрузимся на корабли. Раненых, кто не может идти, оставим в Велигарде. Остальные сами решат, чего они хотят: остаться с иноверцами и служить им или уйти на восток и стать свободными. – Рюрик проглотил ком в горле. – Мы уйдем. Но мы вернемся. И тогда наши враги пожалеют, что родились на свет.

– Я не останусь, – прошептал Карл. Ему становилось все хуже, но он предпочитал умереть в дороге, чем остаться с Табомыслом.

С рассветом братья наполнили кожаные мешочки речным песком и землей с родного места. Простившись с духами леса, холмов и реки, ререговичи покинули лагерь. Вместе с ними на восток отправились триста воинов и обоз с женщинами детьми, среди которых ехал Карл, верный товарищ ререговичей и отважный воин.

* * *

...Остатки армии Гостомысла двигались на северо-запад, к Венедскому морю.

Сначала путь их пролегал вдоль песчаных берегов Лабы, затем войско укрыв Дельбендский лес.

Уже на второй день пути войско остановилось, чтобы зажечь последние костры для умерших. Среди них был Карл.

– Наши товарищи, наши братья знали, что могут умереть в дороге. Но они предпочли умереть свободным. Память о них будет жить в наших сердцах, – сказал, прощаясь с боевыми друзьями Трувор. – Мы клянемся отомстить за вас.

– Клянемся! – повторили Рюрик, Фарлаф, Вермуд, Рулав и Стемид.

Беды на этом не окончились: в Дельбендском лесу ободриты заблудились. Кружили в чаще, возвращались к одному и тому же каменному валуну, точно он был заколдованным. Рана Рюрика кровоточила, он потерял много сил и с трудом удерживался в седле. Воины стали роптать, говоря о проклятии.

В этот отчаянный момент навстречу скитальцам из чащи вышел путник.

Это был белый, как лунь, высокий старик с длинной седой бородой, в рубище, поверх которого была надета козлиная шкура. В руке у старца был посох, на плече сидел сокол.

Рюрик решил, что у него начался бред.

– Приветствую тебя, Рюрик, – долетел до него слабый старческий голос.

– Кто ты? – Князь направил коня к страннику. – Откуда ты знаешь меня?

Странник смотрел ласково, глаза его лучились теплом и добротой. Рюрику казалось, он видит сияние, исходящее от старика.

– Имя твое открыли мне боги. Ты тот, кто пойдет на восток и станет правителем нового города. Ты украсишь далекие земли своим княжением, и земли эти накормят тебя. Тебе подчинятся многие племена.

Слова старика, его голос убаюкивали Рюрика, веки князя отяжелели, и он покачнулся в седле.

– Не трать сил, доверься мне. – Старец оказался близко, протянул князю руку и помог слезть с коня.

Конь забеспокоился, стая ворон снялась с верхушек деревьев, лесную тишину нарушил глухой топот. Это разведчики вернулись и доложили, что передовой отряд саксов и франков скоро достигнет их потрепанное войско. Нужно было трогаться немедленно, чтобы избежать ненужного боя.

Старец держал Рюрика за локоть, в князя вливались покой и тишина, попадали прямо в сердце. Князь хотел и не мог сдвинуться с места. Колени его подогнулись, и Рюрик упал на траву к ногам Старца.

– Что ты сделал с ним? – к старику подступили княжеские воины, Трувор и Синеус. Звякнула сталь, Фарлаф, Вермуд, Рулав и Стемид обнажили клинки.

Путник шепнул что-то соколу на своем плече, тот взмахнул крыльями и взмыл над лесом. Проводив взглядом птицу, старик воздел руки к облаку, нависшему над поляной, медленным движением провел по лицу ладонями и, стоя с закрытыми глазами, забормотал:

– Свентовит, светлейший в победах, приди, дыханием своим согрей путников-воинов, умой росой, напои светом. Сохрани от обидчика, от врага и лиходея, от завистника и чародея. Придите, Радегаст и Перун, как братья единокровные, любимые сыны Земли-матушки. Стривер, укрой ререгов с войском.

Охваченные страхом, воины наблюдали, как облако плотной завесой опустилось с неба, превратилось в туман, какого никто из живущих на земле прежде не видел – он был подобен тьме. И вот уже не видно ни князя, ни его измученных воинов.

Людей охватила внезапная слабость и они, как снопы, повалились на траву, где их настиг сон.

Плотный, как стена, туман остановил погоню.

Лошади под преследователями точно взбесились, поднимались на дыбы и сбрасывали седоков, ввергая их в панику. Не видя друг друга на расстоянии локтя, преследователи в страхе бежали, кто куда.

Когда туман рассеялся, Рюрик проснулся и не сразу вспомнил, что с ними произошло. Каково же было удивление князя, когда он обнаружил, что рана на его плече затянулась! Ререгович был полон сил. То же случилось с его верными воинами. Они пробуждались от волшебного сна, будто заново рождались.

Увидев старца, Рюрик с настороженностью спросил:

– Кто ты, старик?

– Зови меня Мике.

– Откуда ты и почему помогаешь мне?

– Еще не время открыть тебе это, – мягко ответил Мике, – но я дам тебе проводника к Венедскому морю.

– Ты и это знаешь? – снова удивился Рюрик.

– Я умею читать в Книге Судеб.

– Я слышал о тебе, старик, – вспомнил Рюрик. – Ты и есть тот самый чародей и книжник, великий волхв Мике.

Старик не повел и бровью.

– Поторопи своих людей, нам нужно идти, чтобы устроиться на ночлег до захода солнца.

Вскоре лес поредел и расступился, и войско ободритов вышло к вместительной избе на краю озера. Навстречу вышел юноша в такой же власянице, как у старика, с соколом на плече. Старца и его гостей юноша приветствовал поклоном.

– Я получил твое известие, Учитель. Все готово. – Он снова поклонился.

– Это Олег, – представил юношу старый Мике, – мой друг и помощник. Ты, князь, можешь доверять ему, как себе.

Появление ререговичей странным образом подействовало на Олега. На его бледном лице жили только глаза. Едва взглянув на князя Рюрика, Олег нервами, кожей и каждой клеткой своего существа почувствовал связь с этим ререговичем. Это была не кровная, это была мистическая связь.

Одетая по-мужски, Ружнена сидела верхом на лошади позади братьев и с любопытством рассматривала незнакомца. Олег не заметил девушку.

Между тем беглецы разбили лагерь, женщины остались разводить костры и ставить на огонь воду, мужчины отправились в лес за добычей.

После сытного ужина из зажаренных на вертеле кабанов и овощей усталые беглецы разместились на ночлег, кто в хижине, кто на сеновале, кто в телеге, кто под телегой.

Ночь сгустилась, звезды стали ярче, и ничто не тревожило сон усталых путников. Не спалось только Олегу. Он сидел со скрещенными ногами у догорающего костра с закрытыми глазами, вознося молитвы богам.

Видения и образы теснились в сознании Олега. Иногда образы были незнакомыми, иногда – близкими. Случалось, дух Олега покидал тело и путешествовал. Навещал отчий дом в Урмании, но чаще уносился в дальние чужие страны. Ночью во сне и среди белого дня с ним случались такие перемещения. Это был полусон-полуявь. Явленный мир или Отраженный видел Олег – он не знал.

Неожиданно Олег оказался на многолюдном базаре... Телеги с товаром, купцы... Торговля идет бойко, товар расходуется...

Людская речь здесь казалась иной, но Олег понимал ее. Вот две кумушки угощают друг дружку пирогами, вот торговцы ругаются из-за места на площади, вот чей-то голос произнес: «Силой города не победить».

Какие-то тени крадутся под покровом ночи... Это давешние торговцы. Под плащом сверкнула сталь...

Это не торговцы! Это воины, переодетые купцами!

Вот они проникают в чей-то дом... Вот разведчики убивают стражу, открывают ворота и впускают в город войско... Резня идет на подворье...

Дымом заволкло город, все погрузилось во мрак... Олег напряженно всматривался в ночные тени.

Перед его мысленным взором возникла гора из отрубленных голов... Погребальный костер из них...

Олег распахнул глаза и увидел своего учителя. Старик Мике сидел напротив.

– Что ты видел? – спросил Мике.

– Учитель, я видел бой. Не знаю, где и кто бился. Слышал слова: «Силой города не победить».

– Это завет Диры Старшего, – задумчиво отозвался Мике. – Аскольд с Диром отбили Полоцк у Хвистерка. Теперь они кровники Рагнара и Рюрика. И это нам на руку. Союз с викингами сделает ререговичей непобедимыми. Этот союз приведет Рюрика на киевский трон! А ты ему в этом поможешь!

...Едва солнце позолотило верхушки деревьев, Мике разбудил Рюрика и велел поднимать людей.

– Надо спешить, – объяснил старик. – Твои враги вновь пустились за тобой в погоню.

– Скажи, старик, что ждет меня и моих друзей?

– Твой путь тернист. Впереди у тебя потери, войны, победы, слава и богатство. Но они недолговечны, друг мой, – вздохнул старый волхв. – В Старигарде тебя ждет важная встреча.

Не всегда верь глазам. Доверяй сердцу. Воздержись от ссор. Они тебе не нужны сейчас. Славы не принесут, только потери. Собирай силы, тебе нужна непобедимая армия для битвы с нашим врагом.

– С Табомыслом?

– Нет, мой друг. Табомысл только игрушка в его руках.

– Значит, мой враг – король Людовик?

– Ошибаешься. И Людовик только исполняет волю нашего главного врага.

– Кто же он?

– Время и люди откроют тебе все. Собирайся в путь. Олег и его дружина поведет твоё войско к морю.

Во дворе Рюрик обнаружил нескольких всадников. Цвет глаз и кожи указывали на их северное происхождение. Внешнее сходство с викингами усиливалось от того, что одежда на всадниках была такая же, как и на самом Рюрике и его воеводах. В одном из всадников Рюрик признал вчерашнего юношу и поразился переменам, произошедшим с ним.

В полном воинском облачении Олег сидел на буланом коне. Кольчуга, островерхий шлем, латы, щит, наручи и меч в ножнах делали Олега скорее похожим на князя или первого княжеского дружинника, чем на ученика волхва.

– Не смотри, что их мало и они молоды, – заметил старик, – это опытные воины, побывавшие не в одном сражении.

– Это Гуды, это Рюар, а это Актеву и Труан, – стал называть имена воинов Олег, – и самые молодые – Свенелд и Асмолд. Это их первый поход.

Олег похлопал молодцов по плечу.

Еще больше превращение вчерашнего незнакомца поразило Ружнену.

Девушка захотела привлечь внимание Олега и пустила свою лошадь галопом. Конь Олега сорвался с места так, что всадник едва удержался в седле. Под хохот и свист братьев-ререговичей Олег поскакал за наездницей. Издав боевой клич, Ружнена прищипорила свою лошадь.

Внимательный взгляд Мике провожал двух всадников, пока они ни скрылись в лесу.

Олег настиг, схватил лошадь Ружнены под уздцы, остановил и залюбовался наездницей.

От скачки косы Ружнены растрепались, щеки раскраснелись. Олег не мог скрыть восхищения красотой и смелостью княжны.

– Ты не из трусливых, – заметил он.

– Я внучка Гостомысла, – сверкая глазами, ответила Ружнена. – В нашем роду нет трусов.

Олег отломил ветку распутившейся черемухи и протянул девушке. Ружнена зарделась: на языке всех влюбленных ободритов ветка черемухи означала объяснение в любви.

Она снова сорвала с места свою лошадь. Олег снова настиг девушку, но обойти себя Ружнена не позволила. Так наперегонки они и поскакали к дому Мике.

Ранним утром следующего дня Мике проводил внуков Гостомысла до опушки, там все трое целовали землю и прощались с гостеприимным хозяином.

– Помни: никаких ссор с соплеменниками, – напутствовал Рюрика старик.

Между Мике и его учеником состоялся короткий, полный загадок разговор:

– Перун и Велес. Свет и тьма. Яд и противоядие. Конь и змея. Нельзя изменить прошлое, но можно изменить будущее. – В голосе и словах Мике сквозило предостережение. – Помни: если ты обманешь богов, ты не сможешь полагаться на них. Следуй за князем, он укажет тебе твой путь.

Это было тем более странно, потому что пока все шло наоборот: Олег указывал Рюрику с дружиной путь к Венедскому морю.

* * *

...Останавливаясь только чтобы напоить лошадей, войско добралось до Венедского моря. С холма открывался захватывающий вид на бухту с изломанной береговой линией, вдоль которой раскинулся город. Это был Старигард – главные морские ворота Нордальбингии. Через Старигард пролегал южный торговый путь. Из Старигарда в Велигард, далее через земли соседей-лютичей и поморян следовали караваны с товарами в Киев и обратно.

В бухте стояло множество кораблей с родовыми гербами ободритов, полабов, варнабов, линонов, свенов, готов, урманов и данов. Купцы и пираты, ремесленники, воины и колдуны всех племен наводняли город.

Многоязычный и пестрый, Старигард поражал изобилием. На невольничьем рынке можно было купить раба и рабыню любого оттенка кожи. Торжок был заставлен телегами с мехами, рыбой, заморскими товарами и фруктами.

Оружейники, сапожники, гончары, стеклодувы, резчики по кости и ювелиры с рассветом открывали свои лавочки. Здесь продавали серебряную посуду и дамасские клинки, бусы и кольца, восточные ткани, шафран и другие заморские пряности, а также колдовские травы и. Украшения отличались изысканностью, клинки прочностью, а невольницы красотой.

– Твой путь здесь заканчивается, – обратился к своему проводнику Рюрик. – Ты выполнил поручение Мике и можешь возвращаться в Дельбендский лес. Но я не хочу отпускать тебя. Ты ученик великого волхва. Тебе должны быть открыты тайные знания, ты видишь будущее. Ты пригодишься мне. Поезжай со мной к королю Рагнару, а потом в Ладогу.

Олег мысленно возблагодарил богов.

– Я и не думал уходить от тебя, князь, – с поклоном отвечал он князю.

Сняв пояса с изображением ререга, Рюрик с братьями затерялись в толчее. Олег с Рюаром, Гуды, Свенельдом и Асмолдом всюду следовал за Рюриком.

В верфи ререговичи сторговались о покупке нескольких драккаров и оснастили их парусами. Не теряя времени, погрузили на лодки лошадей и корзины с едой.

Перед отплытием зашли в корчму.

В Старигарде не было корчмы и лавки, где не обсуждали бы поражение Гостомысла и его гибель. Новость обрастала подробностями, все чаще звучало слово «предательство». Распространился слух о том, что после смерти Гостомысла его брат Табомысл заключил союз с Людовиком.

Заплатив за пиво и баранину, Рюрик с Олегом устроились за столом.

Один из посетителей корчмы приблизился к ним:

– Вы, вижу, издалека прибыли. Уж не от Людовика ли бежите?

Олег насторожился, и Рюрику вопрос не понравился.

– Тебя это не касается, – резко оборвал он любопытного посетителя.

Нескольких секунд Олегу хватило, чтобы рассмотреть чужака.

Был он выше Рюрика на полголовы и широк в кости. Обветренное лицо украшали шрамы, один был совсем свежий. Мощные кулаки сбиты в драке, нож на поясе, короткий кинжал у бедра и серьга в ухе говорили о том, что перед ними викинг. В те давние времена викинги были отличными торговцами, мореходами и воинами. Они возили товары и защищали их, могли отразить нападение пиратов и сами не брезговали разбоем. Таков был и Рюрик с братьями.

– Ты удивишься, – ответил незнакомец, – но у нас с князем Гостомыслом есть общий враг. Поэтому все, что касается Великого князя, касается и меня.

Непроницаемые светлые глаза подтверждали догадку Олега: незнакомец был либо подданным короля Рагнара, либо пиратом с острова Готланд. В те времена лучшими воинами были

морские пираты, об их бесстрашии слагались легенды и саги. Так или иначе, угрозы собеседник не представлял.

– И кто же он, этот ваш с Гостомыслом общий враг?

– Имя его слишком известно, чтобы я называл его первому встречному, – прозвучал ответ.

– Ты говоришь о предателе? – уточнил Рюрик.

– Да, я говорю о предателе, – подтвердил незнакомец.

Быстрым движением Рюрик обхватил варяга за шею и выхватил нож, но противник оказался не менее проворным. Ответным ударом он вышиб из руки Рюрика нож и приставил к его горлу кинжал.

Пришлось Олегу вмешаться:

– Брат, подданному короля Рагнара и ререговичу нечего делить. Возможно, вы родственники.

Незнакомец спрятал кинжал.

– Если ты ререгович, значит, боги слышали меня, – сказал он.

– Боги слушают тех, кто им служит.

– Я делаю свое дело, а боги свое. Я служу королю Рагнару. Боги слышали меня и привели меня к тому, кто нужен мне, и кому я нужен.

– Больно мудрено ты выражаешься. Скажи прямо: кто ты и зачем тебе ререговичи?

– Я состою на службе короля Рагнара ярлом, имя мое Хакон, – представился незнакомец. – Я знаю, кто предал великого вождя Гостомысла.

И далее Хакон слово в слово повторил все, что слышал и видел на мысе Аркон в ту памятную ночь, когда море выбросило его драккар на рифы. Не забыл Хакон и о торговом пути, о котором говорил Аскольд – «из варяг в греки».

– Мы держим путь в Хедебю. Не желаешь составить нам компанию, чтобы засвидетельствовать свои слова лично королю? – спросил Олег, когда рассказ Хакона подошел к концу.

– Король хочет устроить мне публичную казнь. То-то будет развлечение для знати.

– За что?

– При дворе короля считают, что это я предал Хвистерка, моего конунга. Так что в Хедебю я смогу появиться, только когда отомщу за смерть Хвистерка.

– А ты его не предавал?

– Нет! – горячо возразил Хакон.

В доказательство он выложил перед Рюриком и Олегом амулет, что сорвал с шеи Аскольда.

– А это чье?

– Это амулет матери Хвистерка. Я сорвал его с шеи Аскольда. – Когда Аскольд с Диром захватили Полоцк, меня там не было. Хвистерк отправил меня с дружиной в соседние земли за данью. Пока я отсутствовал, Аскольд овладел городом и казнил Хвистерка.

В кулаке Хакона оказался ремень ремень с изображением сокола-ререга на пряжке. Рюрику было достаточно беглого взгляда, чтобы определить: этот ремень Гостомысл снял с пояса и отдал гонцу. Он поднял глаза на Хакона:

– Откуда он у тебя?

– Этот пояс я снял с мертвого гонца. Теперь тебе ясно, почему Аскольд и Дир – наш общий враг?

– Вполне. Но мы сможем убедить короля в твоей невиновности, если только ты сам предстанешь перед королем. Иначе все будут подозревать тебя в предательстве.

Этот довод убедил Хакона, и он согласился стать спутником Рюрика и Олега.

Опасаясь преследования, уже утром следующего дня беглецы покинули Старигард. В море ререговичи разделились: Трувор и Синеус с сестрой Ружненой, остатки войска ободритов с чадами и домочадцами отправлялись на восток, в самый дальний город ободритов – в Ладогу.

Рюрик с воеводами Карном, Фарлафом, Вермудом и братьями-близнецами Стемидом и Руаном отплывали на запад – в Хедебю. За Рюриком следовали Олег с дружиной и Хакон.
– Встретимся в Ладоге, – прощаясь, сказал братьям Рюрик.

* * *

...Плавание выдалось спокойным. Стояли белые ночи, попутный ветер надувал паруса. Сердце Проводника Высшей Воли щемила тоска по Ружнене.

Несколько недель назад будущее представлялось Проводнику ясным и счастливым. Маги научили его читать в людских сердцах, отличать друзей от врагов, научили погружаться в прошлое и видеть будущее. Олег умел перевоплощаться в волка и сокола. Личные служебные духи приносили ему вести обо всем, что происходит в лесу, на воде и на суше. Несколько недель назад Проводник не мог допустить мысли, что пожалеет о своем выборе. Но все оказалось зыбким и неверным. Одна-единственная встреча, одна-единственная улыбка, и сердце Проводника лишилось покоя. Сомнение в избранном пути крепло день ото дня.

Эта незнакомая маята толкала юного Проводника на безумные поступки. Он готов был забыть все клятвы, наказы Совета Вершителей, отказаться от будущего, от возведения на высшую степень Проводников, затем Хранителей, а затем и Вершителей. Сердце Проводника больше не принадлежало Высшей Воле, как это было предписано каждому Проводнику свыше. Сердце Проводника принадлежало Ружнене.

А рассудок запрещал Олегу думать о любви. Рассудок внушал страх перед богами и Высшей Волей. Память возвращала Олега на берег Венедского моря, в ту Велесову ночь, когда Одд Орвар воплотился в Олеге. Память требовала исполнить клятву, отрешиться от собственных желаний, служить Высшей Воле, стать правой рукой Рюрика, его глазами и ушами. И забыть Ружнену.

И все же... Все же Явленный мир оказался сильнее Отраженного.

Стоя на носу драккара Проводник перешагнул границу дозволенного: он решился использовать магию и силу богов для себя самого. Иначе к чему все знания мира, все волхование и чары, если он не может увидеть Ружнену? Один-единственный раз! Прямо сейчас перенестись в Ладогу и увидеть любимую!

Используя знания, которым наделили его маги, Проводник погрузил в сон команду, ререговичей и рулевых на веслах. Не опасаясь посторонних глаз, встал лицом на запад. Обняв себя за плечи, укутался плащом, как крыльями, и призвал покровителя волхвов и чародеев крылатого бога Велеса:

– Бог трех миров, Велес могучий, приди на помощь, опали меня огнем, окропи росой, пошли мне силу ветра, расправь мои крылья, отвори двери Яви и Нави, перенеси меня силой твоего дыхания...

Дочитать заклинание Проводник не успел – в сознание его вторглась чья-то посторонняя воля.

И увидел Проводник Мике. Учитель спешил к нему по воде. Дойдя до драккара, маг взошел на корабль.

– Зачем ты здесь? – в отчаянии спросил Проводник своего наставника.

– Я здесь, чтобы ты не натворил глупостей. Я отвечаю за тебя перед Советом.

– Я Проводник Высшей Воли и не нуждаюсь в опекунах! – вскипел ученик.

– Совет призвал тебя проводить в мир Высшую Волю. Ты забыл, что ты Проводник! Ты впустил в сердце страсть! Твое служение невозможно!

– Я не верю тебе! – упавшим голосом произнес Проводник.

– Значит, ты не веришь в магические законы Явленного и Отраженного миров? Значит, ты обманул Совет Двенадцати? – наступал маг и звездочет на Проводника.

Проводник пал духом.

– Никого я не обманывал, – пробормотал он.

– Тебе известно, что если к Высшей Воле примешиваются страсти Проводника, мир Яви искривляется и сближается с Отраженным миром. В этом таится огромная опасность для всех: для Явленного мира и Отраженного, для самого Проводника и простых смертных. Если Проводник по своему своеволию или незнанию допускает подобное сближение, он низвергается со служения, приговаривается к изгнанию из Явленного мира и обречен вечно скитаться в безвременье. Имя ему – неприкаянный дух. Если хочешь идти против Совета Вершителей, тебе придется утаивать мысли и чувства.

– А это возможно?

– Пока никому не удавалось. Даже Мерлину.

– Помоги мне, Учитель! Или хотя бы на время дай мне «Седьмую книгу Моисея»!

Мике замахал руками:

– О чем ты говоришь! У меня ее! «Седьмую книгу» хранит Великий Вершитель и передать он ее может только Вершителю! И не по своей воле, а по решению Совета Двенадцати. Ты еще не готов быть Хранителем, не говоря о Вершителе. Держи свои желания в узде. Это пойдет на пользу и тебе, и служению. Пока я могу только утаить твой поступок от Вершителей. Но если ты не образумишься, очень скоро я окажусь бессилён. Поэтому на всякий случай я лишаю тебя магических сил. Скажи спасибо, что не погружаю в сон на сто лет, как Мерлина. – Мике коснулся посохом своего ученика и растворился в воздухе.

Открыв глаза, Проводник огляделся – все осталось без изменений – как прежде, он стоял на носу драккара. По-прежнему равнодушное небо наблюдало за муками Проводника, над головой по-прежнему хлопал парус...

Мике остановил ученика и спас от гнева Вершителей.

Хорошо же! Он научится управлять чувствами и так глубоко прятать желания, что никто не проникнет в его сердце, никто не раскроет его тайну, никто не сможет помешать ему.

«Учитель, я твой должник», – прошептал Проводник. Тут он заметил в небесной вышине едва заметную точку.

Точка приближалась, Олег уже мог различить ее. Это был Ворон. Усевшись на плечо Проводнику, птица захлопала крыльями.

– Совет Вершителей призывает тебя, – расслышал Проводник сквозь ночь и ветер. – Следуй за мной.

Ощувив прежние силы, Олег завернулся в плащ.

Он явится на Совет. Он пройдет семь ступеней и семь посвящений. Пройдет через все испытания и взойдет на самый верх магического искусства, чтобы обрести истинную свободу! Он изучит халдейский язык и получит «Седьмую Книгу Соломона». Там, на самой последней ступени восхождения над ним не окажется власти. Он сам будет Власть. Ему будут служить люди, народы, светлые и темные духи Явленного и Отраженного миров. Лешие, водяные, домовые, голодные духи Отраженного мира. Он станет равным богам.

Проводник обнял себя за плечи и призвал покровителя волхвов и чародеев бога Велеса:

– Велес могучий, бог трех миров, приди на помощь, опали меня огнем, окропи росой, пошли мне силу ветра, расправь мои крылья, отвори двери Яви и Нави, перенеси меня силой дыхания твоего...

Все вышло на этот раз. Проводник обернулся соколом, расправил крылья и взмыл над драккаром. Будто пробуя силы, сделал круг над мачтой и растворился в предрассветной дымке...

... Ворон летел на запад, сокол едва поспевал за ним. Наконец, высоко в горах, над скалой птицы стали снижаться.

Опустившись, сокол-ререг расправил крылья, трижды обернулся вокруг себя и снова стал Проводником. Страхнув с плеча черное с синим отливом перо, огляделся.

Небо на западе окрасила заря.

– Тебе туда, – указал Ворон крылом.

В отвесной стене скалы обнаружилась трещина, из трещины проникал свет.

– А ты?

– У меня дела. – Ворон взмыл в небо и исчез в розовеющей дали.

Протиснувшись в трещину, Проводник оказался в обширной пещере, под сводами которой горели факелы. Пещера была пуста, но Проводник ощущал чье-то незримое присутствие.

Некоторое время ничего не происходило, только от курительниц на стенах восходил ароматный дым. Постепенно запах благовоний обволакивал мозг Проводника, он ощутил легкость в теле и одновременно сонливость. Кажется, он немного покачивался на воздушном потоке, восходящем от пола к сводам пещеры.

Проводник вспомнил, что Мике обещал скрыть его мысли и желания от Вершителей, и теперь позволил себе расслабиться.

– Проводник Высшей Воли! – неожиданно воззвал голос. – Ты научился скрывать свои желания, научился собирать энергию Сущего мира, но этого мало, чтобы быть Проводником. Боги говорят, что ты допустил в сердце любовь. Совет Хранителей принимает во внимание твою молодость и неопытность, и заступничество твоего наставника, и готов простить тебя, если ты победишь чувство к женщине.

Сердце Проводника едва не выдало его. Но Проводник сумел замедлить его стук.

– Да, – чужим металлическим голосом ответил Проводник, – я признаю это чувство ошибкой и готов похоронить его в своем сердце. И буду благодарен Совету за помощь. – Проводник склонил голову.

– Мы удаляемся на Совет. Жди, – велел голос.

Под сводами пещеры стало так тихо, что Проводник слышал только, как пульсирует кровь в его жилах. Снаружи сюда не проникали ни птичьи голоса, ни шум ветра. Никаких признаков присутствия людей под сводами – известковые стены поглощали звуки.

Проводник потерял счет времени. Со склоненной головой он стоял в центре пещеры и молил Велеса о снисхождении до тех пор, пока снова не услышал голос:

– Мы поможем тебе освободиться от любви, – ответил ему невидимый собеседник, – но сначала ты подвергнешься испытанию.

– Какому? – спросил Проводник и с напряженным вниманием стал ждать ответа.

– Ты узнаешь это позже, – последовал ответ.

* * *

... Покинув Старигард, наши герои отплыли на северо-запад. Скоро драккары Рюрика зашли во фьорд, где защищенная от нападений с моря, грелась на робком солнце столица викингов – Хедебю.

Главный город датского королевства славился оружейными лавками и невольничьими рынками. Товары эти пользовались большим спросом на юге – в Киеве, в Хазарском каганате, в Византии и в Аббасидском халифате⁷.

⁷ Средневековое название Персии.

Стоя на носу драккара, Рюрик разглядел на пристани отряд ратников в полном боевом облачении, с мечами и копьями.

– Нас встречают? – услышал он голос Фарлафа.

– Тот, что в центре, это сын короля Рагнара – Бьерн Железнобокий, – показал Рюрик. – Слева его брат Ивар, справа ярл Торвальд.

– За что, интересно, он получил прозвище Железнобокий? – вмешался в разговор Олег.

– За то, что держит удар, как железный. Никому еще не удалось сбить Бьерна с ног.

Старший из сыновей Рагнара, Бьерн, несмотря на свою молодость, был испытанным в боях воином. Его острый взгляд прошупывал приставшие корабли. Изображенного на щитах сокола-ререга он знал также хорошо, как собственный герб с изображением Одина.

Бьерн приветствовал путешественников радостным оскалом:

– Рюрик, брат! Фарлаф, дружище! Рад приветствовать вас на родной земле! Мы уже не думали, что увидим вас живыми.

В знак приветствия Бьерн легко хлопнул Рюрика по плечу. Тот скривился: рана, полученная в схватке с франками, ещё болела.

– Что с тобой? Ты ранен?

– Пустяк, – отмахнулся Рюрик. – Сечь была знатная. Мы им всыпали.

– Они понимают наше наречие? – удивился спутник Бьерна, долговязый Убба.

Заносчивость викинга задела Рюрика: язык данов был вторым родным языком всех ререговичей. Он был совсем мальчишкой, когда свены захватили крепость Рерик и казнили Годослава, а его жену Умилу с сыновьями изгнали с родных земель. Тогда отец Рагнара

Лодброка – Сигурд Кольцо – приютил в Хедебю Гостомысла, его дочь Умилу и внуков. Но и до этих событий все князья ободритов военному искусству обучались в походах с данами, поэтому знали их язык, как и языки соседних племен.

В доме Гостомысла частыми гостями были князья и военачальники разных племен, и он объяснял внукам, почему нужно изучать письмо, культуру и традиции иных народов. Кроме того, Гостомысл был жрецом бога Перуна, и внуки его могли проводить обряды и служить богам.

– Ваше наречие, как и многие другие, – с достоинством ответил Рюрик.

Во время этого разговора Хакон прятался от соплеменников на драккаре.

Любопытство пересилило страх, ярл неосмотрительно выглянул из укрытия. В ту же секунду зоркий глаз Торвальда заметил движение и опознал беглеца.

– Бьерн! – закричал ярл, – у них на борту предатель!

По мостовой раздался дружный топот нескольких десятков ног – это дружина Бьерна Железнобокого кинулась ловить Хакона.

– Он не предавал! – пытался втолковать Рюрик, но горячие на расправу викинги его не слушали.

– Бьерн, брат, ты знаешь меня, – продолжал убеждать Рюрик, – останови убийство. Пусть король решит, виновен он или нет!

Тяжелая челюсть Бьерна заходила, он издал рык, подобный звериному:

– Брат живым!

Хакон уже оказался в кольце воинов, десяток клинков были нацелены на него. Ярл принял попытку прорваться, но его сбили с ног и разоружили.

– Увидишь, король казнит его, – предупредительно выставив палец, заявил Бьерн.

– Откуда тебе известно о предательстве Хакона?

Бьерн помолчал, прежде чем ответить:

– Сорока принесла на хвосте.

– Стоит ли доверять глупой птице? – усомнился Олег.

– Это Олег, – указал Рюрик на своего спутника. – Олег наш сородич, военачальник, волхв и просто друг. Как и я, он верит Хакону.

– Олег? – В глазах Бьерна зажегся интерес.

Бьерну были известны ходившие среди норвежцев слухи о некоем Одде Орваре, чье имя значило «Стрела». Имя это носили великие воины и маги королевского рода Скъёльдунгов. По слухам, Одд Орвар стал Олегом. На языке викингов «Олег» означало – «посвященный богам». Получалось двойное посвящение. Не тот ли самый Олег стоит перед ним? Два с половиной столетия назад предки Одда Орвара-Олега правили королевством Лир, с которого началась Дания. Этот Одд Орвар мог претендовать на Данию наравне с Рагнаром... Ведь они оба – потомки Скъёльдунгов...

– Узнав, что я еду к королю Рагнару, – на ходу придумал Рюрик, – Олег пожелал поехать со мной, чтобы своими глазами увидеть твоего отца. За этим он здесь.

– Неужели? – прищурился Бьерн. – И что ж такого в моем отце необычного, чтобы на него приезжали смотреть, как на редкого зверя в клетке? Неужели достойный муж может быть любопытным, как деревенская девчонка?

Олег улыбнулся открытой располагающей улыбкой:

– Девчонки ничего не понимают в поединках, боевых походах, подвигах и воинской славе.

Польщенный искренним интересом Олега к его отцу, суровый Бьерн смягчился и пригласил гостей в замок Рагнара.

Королевский замок возвышался на вершине скалы. Это было мрачное, укрепленное со всех сторон сооружение из серого камня. В дождливую погоду замок казался еще мрачнее. На стенах стояли лучники, постоянно сменялись стражники у главных ворот.

От подножия скалы к замку вели дороги, вымощенные булыжником, тянулись узкие извилистые тропы для пешеходов. Наши путешественники верхом на лошадях преодолели расстояние от моря до замка.

Подворье замка было забито телегами с провизией. Как объяснил Бьерн Железнобокий, здесь готовились к приему большого числа гостей – король созвал всенародный тинг⁸, чтобы обсудить самые важные вопросы королевства.

На следующий день с утра в замок стали прибывать вассалы короля Рагнара. Здесь были военачальники, купцы и пираты.

Все только и говорили о христианском Боге, которому поклонялось все больше и больше племен на Западе. Папа Римский и его епископы призывали к уничтожению языческих богов. Повсеместно разорялись языческие капища, сжигались идола. На славянских и датских землях возникали все новые и новые монастыри, как цитадели христианства.

Наконец, все прибывшие собрались в просторном зале. Здесь были установлены лавки, на стенах горели фитили.

Усадив Рюрика на почетное место рядом с собой, король Рагнар подождал, пока установится тишина и обратился к собранию с такими словами:

– Приветствую вас друзья и братья. В тревожное время собрался наш тинг. Здесь у нас, в Хедебю, мы изловили лазутчиков.

Король махнул рукой, стражники втащили троих окровавленных пленников. Это были христианские монахи в изорванных облачениях. От полученных ран они едва стояли на ногах.

Собрание встретило пленников ревом.

Рагнар поднял руку, призывая подданных к тишине.

⁸ Народное собрание.

– Эти трое окунали в купель младенцев и надевали им на шею кресты. Они говорят, что их Бог могущественнее наших богов. Скажите мне, как один бог может быть сильнее десятка наших? Если чужой Бог такой великий, почему он не спасает их?

Зал разразился хохотом.

Восстановив тишину, Рагнар объявил:

– Завтра на площади мы казним этих глупцов. Уведите их.

Под выкрики и проклятья пленников вытолкали из зала.

– Друзья! – Рагнар обвел присутствующих взглядом. – Боги ждут от нас решительных действий. – Слова короля были встречены одобрительным гулом.

– Если сейчас не положить предел христианам, – повысил голос король, – они захватят нашу землю, наши дома, наших жен и сотрут из памяти потомков веру отцов.

После этих слов король сразу перешел к волнующему всех вопросу – походу на Париж.

Распаленные предстоящей казнью, викинги готовы были сию секунду грузиться на драккары и осаждать вражеский город. Но сил на осаду было явно недостаточно. Королю данов нужна была помощь, и он знал, у кого ее просить – у потомков короля Гостомысла, у ререговичей.

Потерпевший поражение в бою с франками и изгнанный со своей земли Рюрик был самым верным союзником Рагнара.

– Сколько ты сможешь выставить драккаров? – обратился король к Рюрику.

– Три десятка. Это тысяча и две сотни ратников.

– Долю твою мы обсудим позже, – удовлетворенный ответом, изрек король Рагнар.

– Я не вижу предмета для обсуждения. Просто мы берем то, что попадаете нам на пути.

– Договорились. Это все?

– Нет.

– Мой дядя Табомысл предал нас. Он заключил союз с нашими врагами – Людовиком и Лотарем.

– Ходят слухи, – кивнул Рагнар, – но мы не знаем этого достоверно.

– Знаем, – возразил Рюрик. – У меня есть свидетель.

– И кто же он?

Рюрик взглянул на Бьерна, тот кивнул и подал знак Торвальду, стоявшему поодаль.

Воины расступились, и ярл Хакон шагнул навстречу Рагнару.

Глаза Рагнара зажглись гневом.

– На колени! – король повелительным жестом указал на каменный пол.

Хакон колебался, но кто-то сзади ударил ярла под колени ногой, и он униженно рухнул на пол.

– Он заслуживает казни! – взревел зал.

Король поднял руку, ожидая тишины. Последние возмущенные вопли стихли.

– Казнить его мы всегда успеем, – ответил Рагнар. – Пусть попробует оправдаться. Наше дело – поверить или не поверить ему.

Чувствуя поддержку своих новых друзей, Хакон изложил все события, свидетелем которых ему довелось стать. Закончив печальную повесть о конунге Хвистерке, Хакон достал из-за пазухи амулет:

– Этот амулет я сорвал с шеи Аскольда на острове Руян, когда мы дрались.

В руке у Хакона оказался кожаный шнурок, на конце которого покачивался ворон. В клюве птица держала ключ.

В зале стало тихо. Все знали, что амулет этот принадлежал матери Хвистерка Аслауг и был единственной памятью о ней. С амулетом Хвистерк никогда бы не расстался добровольно, по собственному желанию.

– Меня не было в Полоцке, когда погиб Хвистерк. Взяв Полоцк, конунг отправил меня за данью в соседние земли. Я исполнял поручение своего господина. Когда я вернулся в город, – продолжал Хакон, – все было кончено, только над курганом еще поднимался дым. Я поднялся по рекам к Венедскому морю. Я спешил в Хедебю, король, чтобы ты узнал правду о твоём сыне. Огибая остров Руян, я потерпел крушение и стал очевидцем сговора между Аскольдом и Табомыслем.

– Кто может подтвердить твои слова? – спросил Рагнар.

– Никто.

– Нужны свидетельства правдивости твоих слов, пока их нет, ты будешь находиться в темнице.

Стража окружила Хакона.

– Досточтимый король, – обратился к Рагнару Олег. – Я могу подтвердить слова Хакона. Все, что сказал твой ярл – правда! В Полоцке Аскольд пошел на хитрость: его воины скрыли под накидками и плащами кольчуги и мечи, вошли в город с телегами, полными товаров. Днём торговали на площади перед крепостью, а дождавшись ночи, перебили стражу, открыли ворота дружине и вырезали гарнизон Хвистерка.

Рюрик вскочил со скамьи:

– Истинный предатель – это мой дядя Табомысл, – громогласно объявил он. – С его помощью христианская зараза пустила на наших землях глубокие корни.

– Люди говорят, король Людовик привез в Велигард епископа Дитриха, – заметил Трувор. – Это правда?

– Правда, – мрачно подтвердил Рагнар.

– Дед предупреждал об этом, – вспомнил Рюрик. – Это только начало. Людовик обещал Корвейскому монастырю наши земли – священный остров Руян, Старигард и Велигард. Христианские воины построили в Гамбурге крепость, они называют ее монастырь. Там поселились служители Единого Бога. Оттуда их вера распространилась до пределов твоего королевства. Не сойти мне с этого места, если Табомысл не примет христианства. Чтобы спасти свою шкуру он будет платить дань Людовику. Но Табомыслу мало заключить союз с нашими врагами. Он склоняет к этому киевских князей. Хочет с Византией торговать. Из-за этих предателей чужая вера укоренится и в Киеве. В Хазарском каганате уже случился раскол из-за христиан. Эту гидру нужно душить в зародыше, – с жаром доказывал Рюрик. – И начнем мы с Парижа.

– На Париж!

Друзья скрепили договор крепким рукопожатием. Тинг взорвался ликующими криками.

... С утра до вечера Рюрик с помощниками отбирали на рынке рабов и оружие. Олег с телохранителями, Актеву и Фарлаф скупали знаменитые франкийские мечи и стрелы викингов – своими мощными наконечниками они пробивали не только кольчуги и панцири, но и легкие щиты. Щиты выбирали особенно придирчиво. Предпочтение отдавали покрытым бронзой греческим и остроугольным франкийским. И не только для себя – их можно было продать с большой выгодой в землях Аббасидского халифата.

Рюрик спешил: надо было продать или обменять рабов, персидские шелка, парчу, ювелирные изделия и серебро на паруса, оружие и щиты, к весне снарядить войско и оснастить драккары.

Вечера Олег проводил с Рюриком и его дружиной в крепости Рагнара, где гостей всегда ждал накрытый стол, наложницы и кубок вина. Сердце Рюрика было свободно, и он предавался развлечениям, которые в избытке можно было найти в крепости.

Особенно увлекали Рюрика пляски наложниц. Незаконные дочери Рагнара Лодброка в поисках женихов тоже не гнушались развлекать гостей танцами.

Вино не пьянило Олега, рабыни и дочери короля не увлекали. Холодные глаза волхва наблюдали, холодная голова запоминала все пьяные разговоры.

– Не верю ни единому слову Хакона! – Бьерн Железнобокий стукнул кулаком по столу. – Почему он один ушел за данью? Вот в чем вопрос!

– Хвистерк отправил лучшего. Такой и один справится, – отвечал Бьерну хмельной Рюрик.

– Кто лучший? – возмутился Бьерн. – Хвистерк никогда не был лучшим! Он всегда проигрывал мне в кулачном бою.

– Может ты и хорош в бою, но всадник ты не самый лучший, – неожиданно вмешался Олег. – Ставлю на кон свой щит, что мой господин победит тебя в скачках.

– Могу побиться об заклад, что выиграю, – бахвалился Бьерн.

– Что ставишь?

– Своего коня.

– Нет, – Олег улыбнулся той самой располагающей улыбкой, – ставим на Хакона.

Протрезвевший Рюрик метнул на Олега удивленный взгляд, в ответ Олег медленно кивнул, и князь воздержался от вопросов.

Приятели сейчас же загорелись идеей устроить турнир, за что и подняли кубки.

В день состязания Олег сам седлал коня для своего господина. Это был красавец жеребец, серый, в яблоках. Олег шепнул что-то ему на ухо, жеребец переступил с ноги на ногу и коротко заржал в ответ.

Король и четыре его дочери заняли ложу, только младшая, Герина, рано лишилась матери и дичилась людей. Избегала шумных застолий и не показывалась на глаза грубой публике, и Рюрик ни разу не встретил ее во дворце. Герина же несколько дней наблюдала за светловолосым знатным красавцем из окна своей почивальни и мечтала с ним познакомиться.

Как и рассчитывал Проводник Высшей Воли, Рюрик состязание выиграл. По этому случаю на подворье устроили праздник.

Хакона из темницы привели на подворье, где бражничала веселая компания. Следом за ярлом слуги ввели белую рабыню, внесли меч с инкрустированной рукоятью и нож – сакс из закаленной стали. Торвальд вывел из стойла вороного фризского коня.

– Хакон твой, – с хмельной щедростью объявил Рюрику Бьерн. – Рабыню в подарок от меня отвезешь Умиле. Нож Синеусу. Меч Трувору, а коня пусть забирает Олег. Или мне придется тебя убить.

– Не придется, – рассмеялся Рюрик, – так и быть, заберем мы твои дары.

Так помимо своей воли Олег оказался владельцем Вороного.

* * *

... Несколько дней волны Венедского моря бились о борт драккаров Рюрика, без устали скрипели весла.

Боги благоволили к князю, его маленькая флотилия благополучно миновала фьорды и пиратский остров Готланд.

При попутном ветре наши путешественники на девятый день плавания достигли залива, на берегу которого стоял город Рыдаль.

Рыдаль был столицей племени чудь. Племя это обложил данью еще отец Гостомысла Буревои, и ререговичи считали город своим по праву. Здесь можно было передохнуть перед дальней дорогой, оставить раненых и больных и запастись провизией. В Рыдале дружины получали возможность перегрузить товар на торговые ладьи – морские пути здесь заканчивались, дальше плыть предстояло по рекам.

Рыдаль не мог сравниться ни с роскошью Старигарда, ни с величием Велигарда, ни с мощью Хедебю. Здесь не было даже намека на богатство и изящество в жилище и одеждах, к которым привыкли ререговичи. Серое небо и свинцовое море прекрасно дополняли скудную красоту этих мест и суровые характеры жителей.

Множество глаз было устремлено на Рюрика, когда он ступил на твердую землю.

Наших героев встретил князь Калев – правитель двух племен: чуди и меря. Калева сопровождал сын его Кольван.

Смуглые, низкорослые и скуластые Калев с сыном разительно отличались от высоких, статных и светловолосых ререговичей.

Сразу взялись перегружать товары с драккаров на плоские ладьи. Подворье вождя чудин мгновенно превратилось в становище: гости чистили щиты и доспехи, чинили одежду, точили мечи и ножи, кормили и подковывали лошадей. Слуги Калева готовили еду: мужчины топили баню, жарили на вертелах кабанов, женщины ощипывали кур и уток.

Как водится, князь велел накрыть столы, угощал вяленой рыбой и мясом, жаловался на нищету, недород и оскудение лесов, но дань заплатил богатую, все больше пушным зверем: лиса, куница, соболь и белка от каждого «дыма».

Получив дань, Рюрик с Олегом погрузили все на ладьи и выставили дозор. Сердце князя переполняла радость: ладьи были полны ценных мехов, оружия, рабов и серебра. Слава богам! Он соберет тьму! Париж содрогнется, когда он, князь Рюрик, внук Гостомысла и правнук Буревоя, встанет с войском под его крепостными стенами.

По подворью стелился запах жареного мяса. Олег втянул его ноздрями и почувствовал острый приступ голода.

Ополоснув руки в бочонке с водой, Олег вошел под навес и занял место за столом рядом с ререговичами.

За столом потекла беседа: о торговых путях, о соперниках и врагах – христианах.

– Они никогда не дадут нам стать богатыми, – сказал Рюрик. – Мы для них – грязь под ногами. Есть только один выход – стать единым племенем.

Калев понимающе кивал. В голове у вождя было другое: мы для тебя тоже грязь под ногами.

– Дружина моя немногочисленна и против пиратов не может устоять.

Нужны боевые драккары и оружие, – высказал давнее желание Калев.

– Скоро все будет. Скоро у тебя будут и драккары, и воины, – пообещал Калеву Рюрик, но правитель северного племени отнесся с осторожностью к обещанию князя.

– Ты далеко, а пираты близко.

Олег не принимал участия в разговоре. Выражение лица его было отрешенным, словно волхв спал с открытыми глазами.

После обеда разместились на ночлег.

Рюрик с братьями расположились в светлице, Олег, Свенелд, Асмолд, Фарлаф, Вермуд, близнецы Рулав и Стемид – в гриднице, что на нижнем этаже.

Олегу не спалось. Желание рассмотреть и понять образы и видения, мучившие его, гнало его из жилища и влекло на капище. Из Явленного или Отраженного мира были эти образы?

На капище было тихо и пусто. Ветер шевелил ветви деревьев, ухал филин, откликались в заводи лягушки.

Прошептал заклинание, Олег хлебнул из бурдюка магического напитка, распростерся ниц на земле, и на некоторое время забылся.

Сознание его погружалось в неведомое, непознанное, чужое... Дым от костра или духи окутали волхва?

Что это? Огни, огни... Костер, и в нем – несгораемая книга... Ремесленники, купцы, воины, простой люд собрались на берегу реки... Среди них Аскольд и Дир... По слову христианского жреца киевские братья с дружиной окунаются в реку – все точно сошли с ума.

Будущее неохотно приоткрыло завесу и спряталось. Образы отделились и рассеялись, Олег очнулся. Голова кружилась, тело казалось чужим и тяжелым. Преодолевая себя, Олег поднялся.

Со временем он поймет, что означало видение, но не сейчас. Сейчас ни на что сил не осталось, только дойти до подворья Калева и замертво уснуть.

Едва забрезжил рассвет, гости стали собираться в дорогу. Слуги грузили в телеги связанных трепыхавшихся кур, гусей в корзинах, коз, мешки с зерном и мукой. Отвозили добро к морю, там перегружали на ладьи.

Сотни недоброжелательных глаз провожали отплывающих викингов.

– Калев предаст нас при первой же возможности, – предупредил князя Олег.

– Пусть попробует, – усмехнулся Рюрик. – У чуди и мери в крови страх перед ререговичами.

– Как и ненависть, – возразил Олег.

* * *

... Драккары и ладьи летели навстречу неизведанному, на спущенных парусах Рюрик с дружиной шел по реке Нева. Постукивали весла в гребных люках, менялись гребцы, низкий туман стелился над рекой, усиливая звук. То и дело путешественникам попадались торговые ладьи и боевые драккары. Одни направлялись в Ладогу, другие покидали ее пределы.

Город возник из дымки, как первоцвет из сугроба.

Уставленная возами гавань, ладьи на погрузке и разгрузке, верфь – Ладога ничем не уступала Хедебю.

С приездом ререговичей город заметно похорошел. Ободриты и викинги привезли на восток традиции Велигарда, Старигарда, Хедебю и других столиц. Дома теперь рубили по обычаю викингов высокие, в несколько этажей, крышу украшали коньком. Торжок вымостили камнями, улицы – бревнами из лиственницы. Перед началом строительства приносили жертву богам, и над капищем почти все время висел дым от жертвенных костров.

Окинув глазами холм, к которому лепилось городище, Рюрик вздохнул полной грудью: вон там, на горке, где Ладожка впадает в Волхов, надо ставить крепость, по примеру Велигарда и Старигарда.

Рюрик часто вспоминал напутствие старого Мике: «Впереди у тебя потери, войны, победы, слава и богатство. Но они недолговечны, друг мой. Долговечно доброе имя». Он желал одного: сделать свое племя сильным, и тогда имя его останется в веках.

Ступив на твердую почву, Рюрик поклонился земле в пояс. Его примеру последовали Олег и остальные корабельщики.

– Приветствую тебя, брат! – навстречу Рюрику спешил Синеус. В простой одежде, но с оружием на поясе, князь наблюдал за погрузкой ладей.

В Ладоге Синеус с Трувором окунулись в хозяйственные заботы, устанавливали мир с соседями, собирали дань, строили жилища для верных дружинников Гостомысла.

Братья похлопали друг другу по плечам, шутя, померялись силой.

– Пойдем, покажу тебе нашу гордость! – И Синеус потащил Рюрика и его свиту в мастерские.

Рядом с кузницей на выложенной камнем площадке стояла плавильная печь.

Рюрик с удивлением и радостью рассматривал литейные формы. На лавке лежали гвозди и заклепки для ладей, зубила, клещи, клинки и наконечники стрел.

Рюрик присвистнул:

– Смотрю я, вы развернулись!

– Через пять лет за пояс заткнем Табомысла с его выводком, – пообещал Трувор.

– Как поживают матушка с Ружненой, как Вадим? – вспомнил Рюрик.

– Да что с ними станется? Вадим возмужал, не узнать его. Матушка собирается выдать сестру за Дира. Из Киева сватов ждем к Ружнене.

Услышав новость, Олег едва устоял на ногах.

– Женщины не покладая рук готовят приданое, – вещал Синеус, – сам знаешь, сколько хлопот со свадьбой...

– Откуда мне знать, – дернул плечом Рюрик.

– А пора бы уже, – поддел брата Трувор.

– Как это возможно, Рюрик? – не удержался Олег. – Хакон свидетель, Дир и Аскольд предали твоего деда Гостомысла.

– Кто старое помянет, тому глаз вон, – напомнил Рюрик. – Гостомысла не вернуть, Велигарда тоже. Нужно думать о будущем. Без Киева нам с Византией не торговать, и торговому пути «из варяг в греки» не быть. Сейчас нам нужен союз с Киевом, а там посмотрим. Думаю, Гостомысл меня понял бы и одобрил.

Между тем Рюрик пересказал братьям свой разговор с Рагнаром. Лишь только прозвучало слово «поход», ререговичи обо всем забыли.

– Отлично, мы всегда готовы, – поддержал идею Трувор.

– Обсудим, – кивнул Рюрик.

Терзаемый ревностью, Олег прищпорил коня.

На княжеском подворье стоял дом в три уровня с высоким крыльцом. Над входом красовался череп зубра – символ силы и благополучия хозяев.

Князя Рюрика и его дружину ожидала протопленная баня и накрытые столы. Умила вышла к гостям, обняла старшего сына.

– Знак был, что гостей надо ждать. Баню истопить приказала. Долго ехал, сын. Как всегда, нашел более важные дела, чем забота о матери, – укорила она Рюрика.

– Матушка, у тебя столько помощников! – смущенно отшутился сын.

– Ты знаешь, Рюрик не из тех, кто сдается, – вступился за брата Трувор, – он ищет союзников для похода на франков.

– Пусть боги помогут тебе. – Умила с любовью осмотрела статную фигуру сына. – Приглашай гостей к столу.

Несмотря на голод, Олегу с трудом удалось проглотить кусок. Причиной этому была Ружнена.

По обычаю ободритов женщины делили трапезу с мужчинами. Ружнена сидела за столом между братьями. Красота ее была подобна солнцу: синеглазая, с нежным румянцем во всю щеку и русой косой, перекинутой через плечо, в холщовом сарафане с оторочкой, расшитой руническими символами. Поверх сарафана наброшена накидка, скрепленная на груди брошью с изображением сокола. Держалась Ружнена скромно, но с достоинством. И как ни сверлил взглядом девушку Олег, он ничего не мог прочесть по ее лицу – желает она свадьбы или нет? Глядя на сестру Рюрика, Олег боролся с желанием добиться Ружнены колдовскими чарами, но сердце Олега противилось этому.

После кабана, зайчатины и рыбы на стол были поданы моченые ягоды и напитки. Найдя момент подходящим, княгиня о том, о чем думали все:

– Изборск и Белоозеро не могут оставаться дальше без правителей. Пора Трувору и Синеусу бросить жребий, кому сидеть в Изборске, кому в Белоозере.

Рюрик запротестовал:

– Жребий должны тянуть все. И я не исключение.

– Твой дед завещал тебе Ладогу, потому что такова воля богов, – напомнила Умила. – Ладога, Изборск и Белоозеро смогут удерживать эти земли от врагов. Сделайте то, что не успел сделать ваш отец.

Но Рюрик был не из тех, кто легко покоряется чужой воле, чьей бы она ни была, пусть даже богов.

– Франки и саксы должны ответить за смерть деда, – Рюрик сдвинул брови.

– Это ничего не изменит. Без тебя Ладогу ждут испытания, – изрек волхв.

– Всех нас ждут испытания, – отмахнулся Рюрик, однако Умила поддержала Олега.

– Ты хочешь тянуть жребий наравне со всеми? Тяни! Но если Ладога выпадет тебе, ты останешься и примешь дела.

Не откладывая, в жертву принесли быка, и Олег обратился к покровителю князей и воинов богу Перуну с молитвой. После молитвы братья тянули жребий на княжение. Под слова заклинания трижды бросали в яму сакральные дощечки и трижды доставали их. По форме дощечки напоминали лошадиную голову, одна сторона которой была черной, другая – светлой. На светлой стороне были начертаны названия уделов: «Белоозеро», «Изборск», «Ладога».

Дважды Трувору выпало ехать на княжение в Изборск, и раз – в Белоозеро. Синеусу дважды выпало Белоозеро, Рюрику – трижды выпадала Ладога.

– Глупо спорить с богами, – проворчала Умила. Подобрвав подол платья, княгиня удалилась с капища.

Мужчины вознесли хвалу богам и стали расходиться на ночлег.

Олег уже надеялся незаметно покинуть честную компанию, но Рюрик подждал его у входа в опочивальню.

– Брат, я заметил, как ты смотришь на Ружнену.

Олег усмехнулся.

– И как я на нее смотрю?

– На сестру так не смотрят.

– Это тебе она сестра. А мне – нет.

– Я думал, мы братья.

– Больше, чем братья. Мы единомышленники. Но Ружнена твоя сестра. А мою сестру кличут Ефанда. Когда я познакомлю тебя с ней, она похитит твое сердце.

– Это сказали тебе боги? – усмехнулся Рюрик.

– Это написано в Книге Судеб.

Рюрик прижал ладонь к сердцу:

– Тогда я остерегусь с ней знакомиться. А ты остерегайся глазеть на чужую невесту.

* * *

...Как ни старались ререговичи, Ладога пока не могла сравниться со Старигардом. Строить флот и оснащать его в Старигарде было привычней и проще. Там в избытке имелось все нужное: корабельная древесина, ткани для парусов, верфи и мастера на все руки. В Старигарде легче было набрать добровольцев для похода. В этот город стекались искатели приключений и наемники всех мастей, готовые драться на стороне того, кто больше заплатит.

Узнав о приготовлениях Рюрика, Умила снова напомнила Рюрику о его долге:

– Рюрик, сын мой, – начала княгиня. Голос ее был твердым, а взгляд решительным. – Мой отец Гостомысл завещал тебе Ладогу в надежде, что ты защитишь город и укрепишь его. А ты бежишь отсюда, как нашкодивший пес.

Рюрик хотел возразить матушке, но она остановила его повелительным жестом.

– Выслушай меня и не перебивай. Твой дед считал, что только ты справишься с этой задачей. И я с ним согласна. И поэтому я против твоего похода на Париж.

– С твоего благословения ил без него я пойду в поход, – не менее твердо заявил Рюрик.

– Тебе выпал жребий сидеть в Ладоге. Такова воля богов.

Рюрик нахмурился.

– Я не стану спорить с богами, но исполню их волю, когда вернусь из похода.

Умила заговорила подкупающе мягко:

– Сын мой, это так недальновидно! Если бы твой отец рассуждал, как ты, вы с братьями не появились бы на свет! Все нужно сделать наоборот: женись, а потом иди в поход. Если с тобой что-нибудь случится, у тебя останется наследник! Мое время подходит к концу, не хочу оставлять незаконченные дела. Сын мой, тебе двадцать два года! Ты уже седой. Пора осесть и обзавестись собственным домом. Иначе мне не будет покоя в царстве мертвых.

– Матушка, мой дом – драккар, а семья моя – дружина.

Умила поднесла к глазам вышитый платочек.

– Рюрик, я не дождусь твоего возвращения, – всхлипнула княгиня.

– Матушка, – Рюрик изобразил непритворную печаль. – Я на все готов, чтобы ты жила как можно дольше, но у меня даже невесты нет на примете.

– Это легко исправить! – глаза Умилы просохли. – Ты знаком с датскими принцессами. Неужели ни одна тебе не приглянулась?

– Матушка, при всем моем уважении, принцессы страшны, как тысяча голодных духов тьмы! – испугался Рюрик.

– Есть, есть одна дочь у короля Рагнара, – вмешался Фарлаф. – Правда, Рюрик с ней не знаком. Много за нее Рагнар не даст, поскольку эта дочь прижита им с рабыней. Но она хорошенькая, и этот союз пойдет на пользу нашим отношениям с королем.

– О ком ты, Фарлаф? – заинтересованно спросила княгиня Умила.

– Я о младшей из дочерей Рагнара. Ее зовут Гериной. Очень мила, очень. К тому же девушка – сама скромность.

Погруженный в собственные мысли, Олег не участвовал в разговоре. Произнесенное имя вывело его из задумчивости.

– Это кто сама скромность?

– Герина, – повторил Фарлаф. – Когда мы были в Хедебю, она не выходила из покоев, не участвовала в застольях и плясках.

Олег отлично помнил незаконную дочь Рагнара: девушка была рыжей, с голубыми глазами, легко смущалась и вспыхивала. Но за обманчивой внешностью скрывалась жажда денег и власти, и Олег сразу невзлюбил принцессу. Своенравная и дерзкая, девушка была не подходящей парой Рюрику.

– Как же ты ее увидел, если она не выходила к гостям? – ухватился за спасительную мысль Рюрик.

– На реке. Вместе с другими девушками она полоскала белье.

– Так она еще и трудолюбива! – умилилась княгиня. – Эта девушка – просто подарок судьбы.

– Так что ж ты сам на ней не женился? – рассердился на Фарлафа Рюрик.

– Тебе оставил!

– Мы сейчас же отправим послов за невестой, – захлопотала Умила. Пусть ее привезут в Ладогу, и мы сыграем свадьбу.

– Как? – Рюрик подскочил. – К чему такая спешка?

– Мне недолго осталось, сын мой, – завела Умила, но Рюрик не поддался на уловку.

– Матушка, я ее не видел! Вдруг она полоумная? Или страдает неизлечимой болезнью? Если вам всем так не терпится сыграть свадьбу, так вот брата Вадима жените. Думаю, он возражать не будет.

Упитанный и розовощекий Вадим вспыхнул.

– Сваты познакомятся с ней и присмотрятся, – попыталась успокоить сына княгиня, но Рюрик даже слушать не хотел о женитьбе.

– Нет, нет, и нет!

Наткнувшись на отказ, княгиня прибегла к последнему средству: она сказала, что больная. Перестала выходить к трапезе и угасла на глазах.

Через неделю этой тихой осады крепость пала. Согласный на все, Рюрик вошел в покои княгини.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.